ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ
72
5

1922 1972

ВСЕГДА ГОТОВ!

ПИОНЕРИИ 50 ЛЕТ

ВЫШЕ АЛОЕ ЗНАМЯ!

«Пусть всегда целью и высоким смыслом жизни и деятельности Всесоюзной пионерской организации остается боевой девиз «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!».

Из Постановления Центрального Комитета КПСС «О 50-летии Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина».

Уже цвели в Подмосковье ландыши, позванивая своими крохотными колокольцами. В бело-розовой кипени стояли яблоневые и вишневые сады. По-весеннему звонкоголосо, на разные лады щебетали и пели птицы. И к этим неповторимым краскам и голосам далекой весны 1922 года прибавились новые краски — алые пионерские галстуки — и новые звуки — барабанная дробь и сигналы серебристого горна. По улицам зашагали первые пионерские отряды. И первая пионерская песня «Взвейтесь кострами, синие ночи!» разбудила тишину. И вспыхнул под вечер первый пионерский костер. И палатки первых пионерских лагерей выросли у речек и озер...

Это к ним, первым пионерам, детям рабочих и крестьян, были обращены слова Всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина: «Высоко держите свое Красное знамя и пронесите его через всю вашу жизнь».

Под Красным знаменем прошло не одно поколение юных пионеров. Каждое из них свято выполняло свою пионерскую клятву, стремилось по-ленински жить, учиться и бороться.

Сегодня по нашей огромной стране шагает май — пятидесятый пионерский май. Но уже не десятки, не сотни пионеров идут под Красным знаменем, а огромная армия юных ленинцев — 23 миллиона. Сегодня вы, юная смена 70-х годов, несете эстафету пионерских поколений.

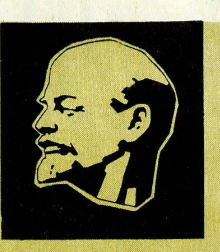
Пионерская организация носит имя В. И. Ленина.

На знамени пионерии — орден Ленина. Будьте же всегда и во всем достойны высокого звания юного ленинца!

С праздником вас, дорогие ребята!

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

В Москве, в главном штабе пионерии — Центральном Совете Всесоюзной пионерской организации, — хранится Книга почета, куда заносятся имена самых достойных юных ленинцев, совершивших героические подвиги, смелые поступки, отличившихся в учении и труде. А в здании ЦК ВЛКСМ хранятся дорогие пионерские реликвии — орден Ленина первый пионерский значок, мандат I Всесоюзного слета. Каждая строка Книги почета, каждая пионерская реликвия говорят об истории твоей организации.



23 МАЯ 1924 ГОДА

Ровно в три часа Красная площадь заалела пионерскими галстуками. Десять тысяч пионеров с флажками в руках выстроились в стройные колонны. Волнуются ребята. Волнуются Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова — организаторы первого пионерского парада. И вот отзвучали куранты на Спасской башне. Из Кремля вышли делегаты XIII партийного съезда. Звучит пионерский рапорт. Коммунисты, ковавшие победу в Октябре, прошедшие фронты гражданской войны, обходят пионерские ряды. А потом старый коммунист Феликс Кон произносит слова Торжественного обещания. Его слово за словом повторяют десять тысяч пионерских голосов. Юные пионеры, принимая имя Ленина, поклялись идти дорогой Ильича, расти преданными делу партии коммунистов.

1932—1934 ГОДЫ

По дорогам и нехоженым тропам Северного Кавказа мчались походные тачанки, скакали кони со всадниками в красных галстуках. А в это время по степям Казахстана шли верблюды с юными наездниками. Местные жители радушно встречали необычных путешественников, помогали им советом. Задание у юных натуралистов было ответственное: собрать семена засухоустойчивых дикорастущих растений и редкие лекарственные травы. Всесоюзные пионерские экспедиции справились с заданием. Институт растениеводства получил богатые гербарии и семена. А через два года юные натуралисты, отправившиеся на Алтай, получили задание от Ивана Владимировича Мичурина, который позднее писал: «Юные пионеры, пройдя свыше 500 километров в труднейших условиях глухого таежного и горного бездорожья, собрали массу ценных в хозяйственном отношении плодов ягодных, пищевых и дикорастущих растений. Сердечно рад этому выдающемуся успеху».

1935—1936 ГОДЫ

Для Мамлакат Нахангowой, таджикской девочки невысокого роста с длинными косичками, все в Москве было в новинку: и бой кремлевских курантов, и шум городских улиц, и сугробы. И уж совсем она растерялась, когда в Кремле Михаил Иванович Калинин вручил ей орден Ленина. Но пионерка Мамлакат заслужила эту высокую награду. Никто в ее родном колхозе не мог тягаться с ней в сборе хлопка, даже самые опытные сборщики. Маленькая юркая Мамлакат в отличие от всех стала собирать белые комочки не одной, а сразу двумя руками. И училась Мамлакат отлично.

Вместе с Мамлакат за сбор хлопка орден «Знак Почета» получили пионеры Ишан Кадыров и Хавахан Атакулова. В те годы ребята помогали колхозам выращивать молодняк. За свой труд Алеша Фадеев, Коля Кузьмин, Ваня Чулков, Барасби Хамгоков были награждены орденом «Знак Почета».

1942 ГОД

Трактористку Пашу Ангелину знает вся страна. По ее почину тысячи девушек сели на трактор. Когда началась война, рабочих стало не хватать. В разгар страды второго военного лета у Паши заболел прицепщик. Что делать? Не стоять же комбайну, когда каждый пуд зерна на вес золота, когда хлеб нужен фронту? И тогда Прасковья Никитична пришла к школьникам и попросила помочь ей. Комсомольцы и пионеры старобешевской школы № 2 пришли на полевой стан бригады. Они работали прицепщиками, подвозили горючее и воду к комбайну, отвозили зерно на ссыпной пункт. Ребята поменьше собирали колоски. «Хлеб — фронту!» — такой лозунг написали пионеры.

1947 ГОД

На всю страну прозвучал призыв пионеров и школьников Чоботовской школы Московской области: «Украсим Родину садами!» «Пусть в каждой школе и пионерской дружине, — писали пионеры в своем обращении, — ребята объединятся в кружки юных натуралистов и садоводов-мичуринцев. Пусть каждое пионерское звено научится размножать, правильно сажать и выращивать ягодные кустарники и плодовые деревья».

Во Всесоюзном конкурсе юных садоводов приняло участие 5 миллионов пионеров и школьников. Когда в Москву пришли рапорты юных садоводов страны, то все узнали, что ребята посадили 15 миллионов плодовых деревьев и кустарников. Огромный сад!

1949 ГОД

В Грузии есть небольшое село Бобоквати. В селе небольшая школа. А в школе училась пионерка по имени Нателла Челебадзе. Была она председателем совета дружины. И вот однажды попросила Нателла Челебадзе у председателя колхоза Хусейна Чхония выделить для ребят чайную плантацию. Свою, пионерскую. «Несерьезно это», — сказал председатель. «А вы дайте землю, потом посмотрим — серьезно или несерьезно», — ответила Нателла. И пионеры получили небольшой клочок земли и прозвали его «пятачком», а через год — полгектара. На «пятачке» ребята вырастили тонну первосортного чая. А на пионерской плантации — рекордный урожай. Нателла Челебадзе собрала 6750 килограммов чая, больше лучших ударниц. И рядом с пионерским галстуком у Нателлы засверкала Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

18 МАЯ 1962 ГОДА

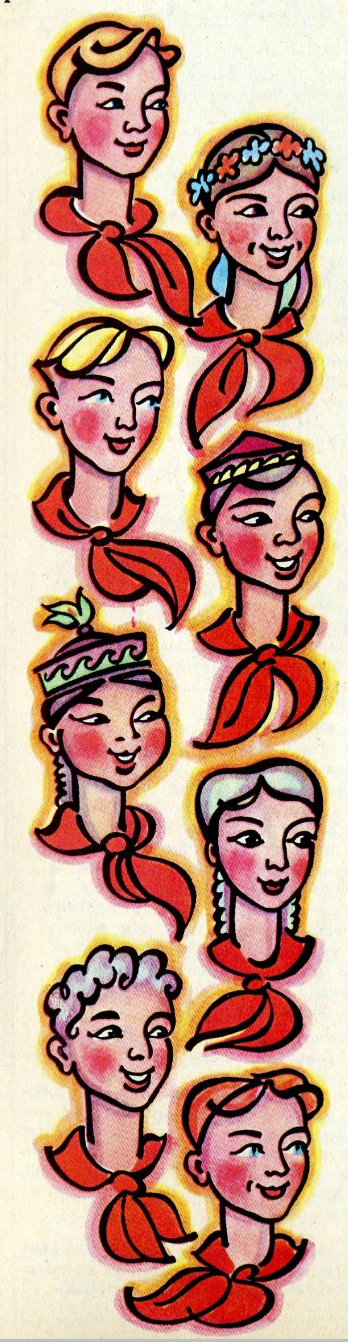
В Кремлевском Дворце съездов фанфары пропели: «Слушайте все!» Зал расцвечен красными галстуками. Они на груди ветеранов. Они на боевой форме воинов. Они на груди у самых юных москвичей. Все поколения пионеров собрались в зале, чтобы отметить 40-летие Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Наступила минута торжественная и волнующая. Леонид Ильич Брежнев прикрепил к Красному знамени пионерии высшую награду Родины — орден Ленина. Вручая орден, Л. И. Брежнев сказал: «Разрешите мне от всей души пожелать вам, дорогие пионеры, расти здоровыми и жизнерадостными, учиться, жить и трудиться по-ленински, быть достойной сменой Ленинскому комсомолу, занять свое почетное место в рядах великой армии строителей светлого, радостного, счастливого коммунистического общества».

Юные натуралисты — многочисленный отряд советской пионерии. В эти торжественные дни прозвучат на пионерских линейках их рапорты о славных, добрых делах. Зелеными лабораториями стали юннатские опытные делянки. По заданию ученых работают сегодня ребята. И успешно справляются с порученным делом.

Пшеница, хлопок, кукуруза, рис, лен, картофель — нет, пожалуй, такой культуры, которую бы не возделывали юные. И часто результаты их опытов проходят окончательную проверку на широких просторах колхозных полей.

Эстафета пионерских поколений продолжается! И каждую весну, когда оживает природа, юные пионеры, которым только что повязали красные галстуки, на призыв: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» — торжественно и уверенно отвечают: «Всегда готовы!»



Когда раскроются коробочки хлопчатника и станет плантация белой, не определишь сразу, сколько кустов выросло на каждом метре. А знать это надо, чтобы точно установить норму высева. Какое поле даст выше урожай? То, где шесть кустов на каждом метре или восемь? Вот над чем работали юные хлопководы республиканской станции юннатов города Душанбе. И задание это получили они в Научно-исследовательском институте земледелия.

В колхозе имени В. И. Ленина засеяли ребята сортом 108-Ф четыре делянки. Появились всходы — сделали прореживание. В одном ряду оставили пять растений на одном метре, в других — шесть, семь и восемь. Зайнутдин Мухитдинов, звеньевой, тщательно отмечал в дневнике каждую фазу роста хлопчатника. Кажется, все шло хорошо. Но после третьего полива на одной делянке хлопчатник вдруг полег. Перестарались ребята, слишком много дали воды. Пришлось срочно окучивать эти рядки, поднимать растения. Хорошо, что опыт проводился в четырех повторностях. Остальные делянки не пострадали.

Когда собрали сырец, лучший урожай оказался на делянке, где на каждом метре оставили ребята семь кустов. Осенью ушло в Институт земледелия донесение: «Задание выполнено. Результаты хорошие».

У Нади Довженко все в роду земледельцы. Прадед ее возделывал рожь и пшеницу. Бабушка работала звеньевой в колхозе, а родители и сегодня растят зерно. Так что Надю в ученической производственной бригаде Малодевичеcкой средней школы Черниговской области по праву считают потомственным хлеборобом. И участок у нее самый ответственный. Есть в колхозе одно поле. Не сказать, что большое, — всего десять гектаров. Но от того, как родит оно, зависит урожай на всех остальных полях. Семенное зерно выращивает Надя.

Кто не слышал об озимых пшеницах сортов «мироновская-808» и «аврора»? В Черниговской области каждый год дают они отличные урожаи. На поле Нади Довженко и растут эти сорта. Тут уж подкачать нельзя. И Надя не раз доказывала, что хлебороб она умелый. Прошлым летом, например, семенной участок дал по 45 центнеров зерна с каждого гектара. И сегодня зеленеет на колхозных полях пшеница, выращенная из Надиных семян.

Кто из нас не играл в солнечных зайчиков! Яркое пятно от зеркала достигает самых затененных углов дома или сарая, а при случае здорово слепит глаза прохожим. Забавное, но бесполезное, в сущности, занятие.

А слышали ли вы про рефлектор Бухмана? Такому солнечному зайчику, который концентрируют его 280 зеркал, позавидует каждый. Только не для игры предназначен он.

Вот уж какой год ловят в зеркала солнце ребята с республиканской станции юннатов Алма-Аты. Ловят, чтобы облучать семена огурцов и томатов. Зачем это, спросите? А вот зачем. Облученные солнцем семена и прорастают быстрее, и урожай получается больше. Это общеизвестно. Но как долго нужно облучать? Час, два... пять?

Такое задание получили юннаты от профессора Института физиологии растений АН СССР А. А. Шахова.

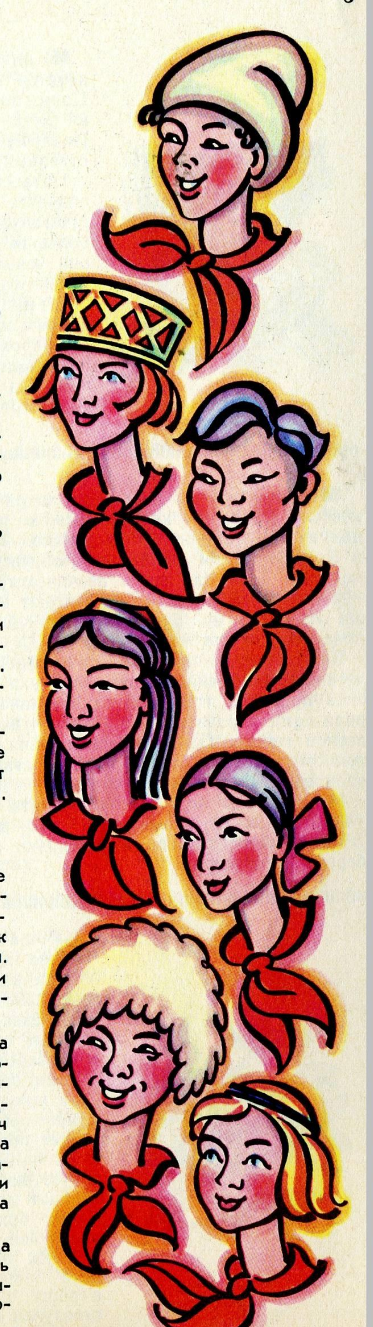
Зимагуль Домбаева облучала перед посевом семена огурцов сорта «неженский» два часа. В результате урожай повысился на 16 процентов. А если пять часов? Для опыта взяли семена томатов. И началось ожидание. Необычные выросли помидоры. Стебли высотой в полтора метра, а плоды не красные, как у исходного вида, — розовые.

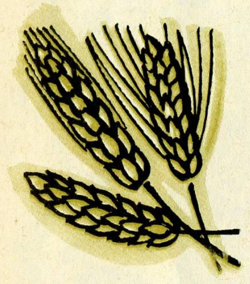
Значит, концентрированный солнечный свет виноват в образовании новой формы? Следующие опыты дадут ответ и на этот вопрос. Разгадают загадку солнечного зайчика алма-атинские юннаты.

Вот это был праздник! На центральной усадьбе совхоза «Советский» собрались все юннаты деревни Ревкутьевичи. Когда украшенные еловыми лапами грузовики с мешками картофеля подкатили к самому крыльцу дирекции, грянули аплодисменты. Еще бы! Это ведь они, юные опытники, передавали родному совхозу отборные семена сортового картофеля.

Три года проводили ребята сортоиспытание на пришкольных делянках. Не по какой-то своей прихоти, а по заданию ученых Белорусского научно-исследовательского института плодоводства и овощеводства. Каждую осень звеньевой Валерий Гордевич отправлял в Минск подробные отчеты: какие сорта на их земле оказались самыми урожайными. Наконец рекордсмены установлены. «Лявониха» и «темп» дали по 350—400 центнеров в пересчете на гектар.

Теперь понятно, почему радовались юннаты, когда подъехали к крыльцу дирекции два грузовика. Пять тонн семян — дело нешуточное! Зацветет нынешним летом на совхозных полях юннатский картофель.



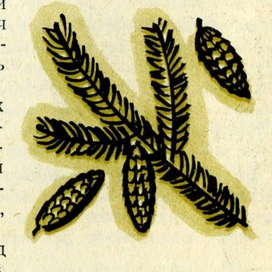


И ни разу не побывав здесь, знаешь: до самого горизонта катятся в степном Ставрополье веселые пшеничные волны. Поля, поля. Зеленые весной, отливающие бронзой в середине лета. Среди их безбрежья тысячи школьных гектаров. Недаром же Ставрополье — родина ученических производственных бригад.

Наташа Кривцова из Кугультинской средней школы всегда радуется налитым пшеничным колосьям совхозного поля. Многопудовые урожаи собирают с него взрослые. И в этом большая заслуга ребят из ученической производственной. Это они, юные земледельцы, проводили сортоиспытания пшеницы. Каких только сортов не перебывало на их делянках! Но ребята придирчиво искали самый главный. Тот, что даст на землях совхоза рекордный урожай.

«Мироновская юбилейная-50» оправдала надежды. И теперь колосится она на полях. Лишь за один год новый сорт пшеницы принес совхозу прибыли около ста тысяч рублей. Щедрыми оказались школьные делянки!

Молодые елочки поражают какой-то привлекательной мягкостью. Будто бархатное зеленое покрывало одело лесную поляну. И не одну, а несколько. Такие посадки появились в Красноборском школьном лесничестве Горьковской области недавно. Три года всего лесничеству, и эти двадцать тысяч елочек только начало. Так считают и Люда Макарова, и Саша Лазарев, и Володя Бубнов. А задуманное выполнять красноборские ребята умеют.



Как-то пошли они в свой очередной обход. Поразила юных лесничих необычная тишина в борах и рощах. И решили ребята привлечь птиц. 350 скворечников и синичников смастерили сами и развесили. По пять птичьих домиков на каждый лесной гектар. Ожил лес, заговорил веселым птичьим щебетом. А раз есть птицы, меньше станет вредных насекомых, здоровыми будут расти деревья.

Не только в лесу сажают ребята деревья. Зеленый наряд улиц поселка — тоже дело рук пионеров и школьников. В своем лесопитомнике выращивают они саженцы сосны, ели, березы и тополя.

„**Р**оща иволги», «Кукушкина сосна», «Соловьиная просека». Что за мечтатели придумали такие интересные названия? Учатся они в Латвии, в Лиелвардской средней школе. И не праздные мечтатели вовсе, а вполне серьезные ребята. Каждое название их точно и определенно. Иволгу, кукушку и соловья обязательно услышишь там. Потому что привольно и беззаботно живется пернатым в птичьем городке.

Всем секретам наблюдений за птицами обучил лиелвардских школьников ученый-орнитолог Каарлис Григулис. Он же помог организовать школьный «птичий кооператив». Любой может получить в нем корм для птиц и доски для кормушек и синичников. Строй только, развешивай! Но не одними искусственными гнездовьями привлекают ребята птиц. Они сажают деревья. Соловей, например, любит густой подлесок. Юные орнитологи высаживают рябину, ольху, орешник — поселяйся, волшебный певец, выводи на зорьке свои рулады!

А уж различать по голосу пернатых певцов здешние ребята большие мастера. Сами подражать им умеют. Выйдут в рощу, насыплют семечек на кормушку — и летят на зов свистулек птицы. А синицы так привыкли к добрым хозяевам, что без боязни садятся на ребячьи ладони.

Карельская береза. Не сыщешь, пожалуй, интереснее и ценнее дерева среди наших белоствольных красавиц! Только не так часто встречается она даже в самой Карелии.

Ребята школьного лесничества «Берендей», которое организовано при республиканской станции юннатов в Петрозаводске, обладают настоящим богатством. На их участке растет двадцать пять карельских березок. Высоких, стройных. Каждый год собирают юные лесоводы урожай бесценных семян. Часть высевают в своем питомнике — надо же пополнять уникальными посадками окрестные леса, — а остальные рассылают ребятам разных районов страны.

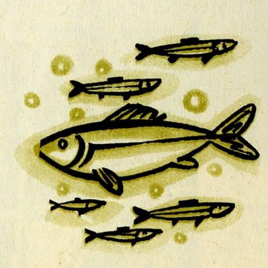
150 заявок только за один год — цифра немалая! Но петрозаводские «берендеи» щедро делятся семенами. В Иркутск, Ижевск, Караганду, Николаев отправились прошлой весной семена из Карелии. А осенью дали юннатские березы новый урожай. И появились на конвертах другие надписи. Ленинград, Курск, Новосибирск, Владивосток — вот они, новые адреса, где обязательно зашумят рощи карельской березы.

По грибы ходят в лес. За боровиками, подосиновиками, рыжиками и маслятами. Там уж выбирай на собственный вкус, да только успевай заполнять берестяной кузовок. А юннаты Донской восьмилетней школы, что на Тамбовщине, ходят по грибы... в теплицу. И не летом, а зимой.

Здешние ребята всегда считались в районе отличными опытниками. На своих делянках какие огурцы, помидоры и капусту выращивали! А в страдную уборочную пору выходили на плантации соседнего совхоза «Цна». Взрослые оставались довольны. Школьники помогали на славу. Только так было летом. А что делать поздней осенью и зимой, когда укроют снежные сугробы землю? Ждать весны?

Ребята решили иначе. Сами построили теплицу, чтобы круглый год работал овощной конвейер. Теперь в феврале цветут у них огурцы и помидоры. А под нижними стеллажами есть у ребят своя «грибная поляна». Невелика — всего 30 квадратных метров, зато в морозную вьюжную пору растут на ней шампиньоны. Вот почему ходят зимой здешние ребята по грибы... в теплицу.

Кому половодье в радость, а для отрядов «голубых патрулей» Орловщины хлопотливей поры не сыщешь. Когда разливаются реки и стоят на лугах огромные голубые озера, прибавляется забот. Только следи и следи. Лишь спадет большая вода и заиграют в бочагах да баклушах весенние солнечные лучи, зазвучит в отрядах тревожный сигнал пионерских горнов. Надо спасать попавших в беду мальков. Недаром же принимают ребята участие в операции «Живое серебро».

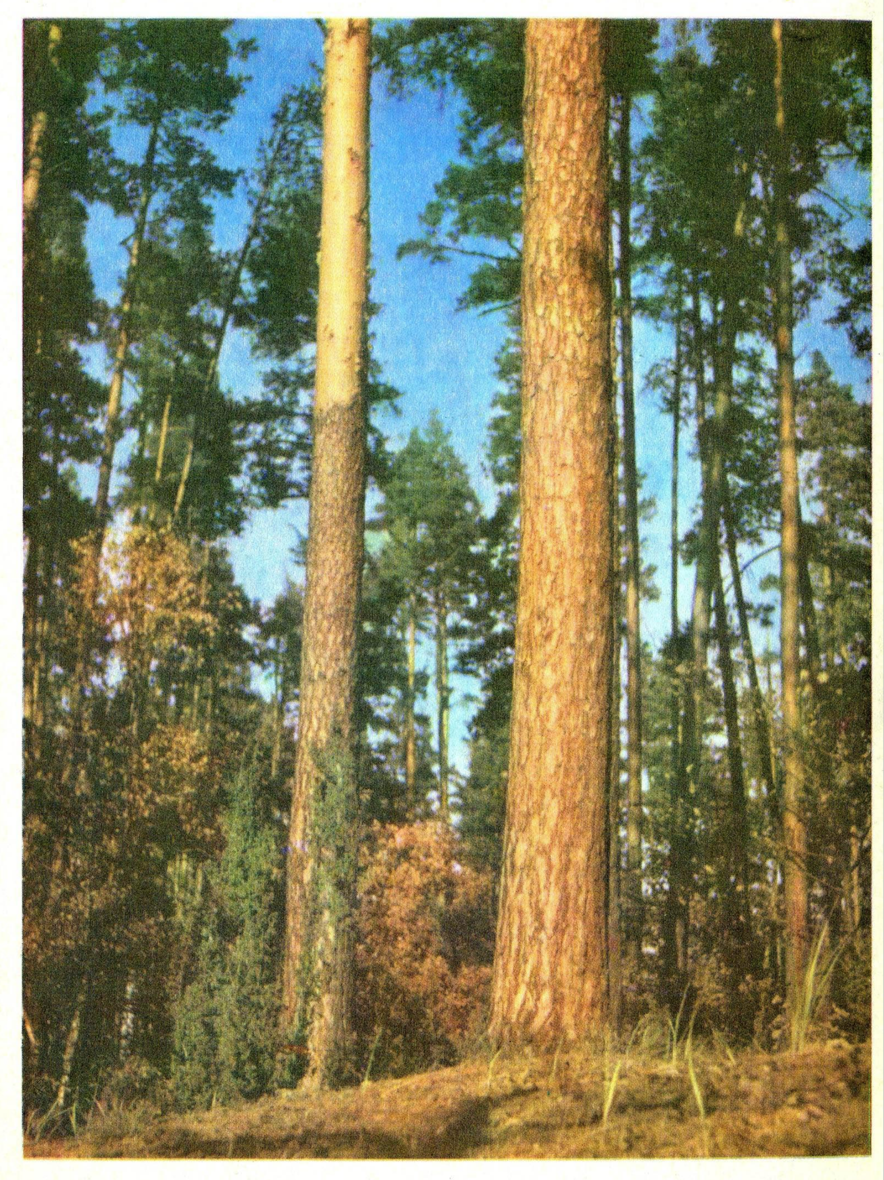


Попробуйте вычерпать ведром бочку с дождевой водой. Умаешься, пока покажется дно. А если сотни таких бочек выплеснуло половодье в бочаг? Тут ведра не годятся. В ход идут сети и лопаты. Вылавливают ребята из такой западни серебристых рыбок, выпускают их в главную реку, а если отшнурованный водоем недалеко от большой воды, прокапывают каналы и протоки: плыви, мелюзга, пока не поздно!

«Голубые патрули» Мценского района, например, спасли десятки тысяч мальков леща, судака, подуста. Два километра узких каналов пришлось прокопать ребятам, чтобы пополнить рыбные запасы рек и речушек Орловщины.

Молодцы ребята!

Бронзовая чаща



Пинега берет свое начало из мха. Едва светлый родник успеет пробиться наружу, как его сразу же накрывают лес, таежный бурелом, и вода долго бежит, невидимая для глаз. Постепенно родник крепнет, мужает, набирая силу от ручьев, и, наконец, взрывает толщу мха и корни деревьев. Освобожденная вода устремляется вперед, затопляя болотистые низины и мелколесье, и, когда она найдет свое русло, вековая тайга расступится перед ней.

Так рождается Пинега — самый крупный приток Северной Двины.

У Горки — одной из первых деревень Верхнепинежья — мы сели в лодку, и ре-

ка понесла нас сквозь угрюмо нависшую тайгу, мимо красных и белых берегов с черными провалами пещер. Редкая лодка, редкая деревенька встречались нам на пути. И только кукушка отсчитывала время и расстояние.

Птиц на Пинеге немного, да и щебечут они как-то робко, застенчиво — вот и старается за всех кукушка. Голос ее здесь высокий, могучий; одна птица передает свое «ку-ку» второй, вторая — третьей, и так весь день напролет. Кукушки сопровождали нас как почетный эскорт.

Наши лоцманы — одиноко плывущие деревья. Каким-то чутьем они находят быструю воду, фарватер, и ни одна мель не страшна с ними в пути.

Пинега издавна живет лесом. Далеко отсюда, за высокими берегами, простерлись на сотни гектаров сосновые двухсотлетние боры, где большими стадами пасутся дикие олени.

Когда вдруг встретишь на пути какое-нибудь бревно, то всматриваешься в него, как в лицо человека. У каждого своя судьба, своя родословная. Вон проплыла в свежих смолистых потеках ель: по внутренним кольцам, срезам я подсчитал, что дерево жило на свете около двухсот лет. А вон кондовая сосна — на белой зачистке стоит буква «К» — корабельная.

Могучей медноствольной красавице подивились даже мои спутники — егерь Геннадий Максимович Думин и инспектор рыбоохраны Семен Иванович Ягушкин. Люди, которых трудно чем-либо удивить. Выросшие на Пинеге, исходившие не одну сотню километров по здешним глухоманям, они читают книгу природы не хуже Дерсу Узала и могут часами рассказывать о лесе, о повадках разных птиц и рыб.

Показывая на проплывающую конду, Думин сказал:

— Поблизости такого дерева уже не сыщешь. Разве только в чаще...

Чаща! Это слово вспыхивает передо мной как радуга. Неужели та самая сказочная Берендеева чаща, воспетая Пришвиным! Лет тридцать пять назад писатель побывал в Верхнепинежье, оставив описание этого удивительного уголка северной природы. «Лес там — сосна за триста лет, дерево к дереву, там стяга не вырубишь! — приводит Пришвин слова местного охотника. — И такие ровные деревья, и такие частые! Одно дерево срубить нельзя, прислонится к другому, а не упадет. Вот какая чаща!»

Жив заповедный лес и поныне. Но рубить его без особо важного дела строго запрещается.

...Семен Иванович выводит нашу лодку из фарватера и направляет ее то к шумному порогу, то к черной бездонной яме, то к широченному плесу. Он внимательно разглядывает дно реки, будто ищет разгадки одному ему известной тайны. Сквозь толщу воды видно, как мечется в панике разная мелочь. Ерши, ельцы, плотвички — все разбегаются по сторонам.

Но вскоре тайное становится явным. Поверхность реки у плеса упруго заволновалась, задвигалась — так работают мускулы под холщовой рубахой молотобойца, — и мы увидели светлые дорожки на дне. Они извивались, исчезали и снова появлялись.

— Семга! — крикнул Ягушкин в сильном волнении. — Идет семга!

Светлые дорожки — так называемые притирыши. Семга, идя по дну, срывает ударами плавников тину с камней, и они светлеют. Этими притирышами морская путешественница извещала нас о своем возвращении.

Семга живет в море, но родина ее — пресные воды, тихая прозрачная заводь с чистым песчаным дном. Зимой в море она кормится, набрасываясь на беззащитную сельдь, в море нагуливает вес. А весной или в начале лета, повинуясь извечному инстинкту предков, семга возвращается домой, в ту самую заводь, где появилась на свет оранжевой икринкой и провела первые годы своей жизни. Возвращается на нерест, потому что только дома можно произвести потомство.

Путь из моря невероятно труден. Преодолевая тысячекилометровые расстояния, сильное течение, мели, перекаты, нередко перепрыгивая через преграду, каким-то сверхъестественным чутьем находит она родное пристанище и живет здесь все лето и часть осени. В сентябре — октябре происходит икрометание.

После икрометания семга становится настолько слабой, что еле держится на воде, едва шевелит плавниками. Течение сносит ее в море. Стукаясь головой и телом о камни, с кровоточащими ссадинами, идет она через шумные речные перекаты и пороги, чтобы попасть в спасительную морскую пучину. Если рыбе повезет, море восстановит потерянные силы, и она сможет еще раз вернуться на родину. Если не повезет, семга станет легкой добычей хищников.

Подсчитано, что из десяти тысяч икринок, которые оставляет семга во время нереста, выживает не более восьмисот.

— А сколько взрослых рыб получается из этих десяти тысяч? — спрашиваю я у Ягушкина.

— Очень мало. Не более двадцати, — говорит он, подумав. — И этим двадцати уготована такая же судьба, как и их родителям. Короток семужий век.

Да, семга капризна и прихотлива, например, не выносит теплой воды, заболевает от недостатка кислорода. Ее жизнь в пинежских ручьях и речушках нельзя отдавать на откуп стихийным биологическим инстинктам. Ценная порода рыб нуждается в бережном внимании людей, в строгом соблюдении правил отлова. При деловом, хозяйственном подходе семужье «поголовье» можно увеличить и в два и в три раза.

В управлении «Севрыбвода» в Архангельске мне рассказывали о проекте создания большого семужьего рыбоводного завода в бассейне Северной Двины и рыбопитомника в низовьях Пинеги. Здесь будут разводить молодь и выпускать ее в реку. Икру для инкубаторов станут брать в пинежских притоках. Опыты показали, что семга, отловленная в Пинеге, дает прекрасную зрелую икру, которую можно перевозить в любой отдаленный участок Севера.

Светлые дорожки на дне то появляются, то исчезают. Разбегается в стороны речная мелочь, уходит в глубину налим, становясь неподвижным, как камень. Властелин хищников — щука старается скрыться в прибрежной осоке. Так бывает всегда, когда идет семга. До чего же хочется увидеть ее сейчас в натуре — серебряное рыбье тело в розовых и золотистых пятнах с оранжевой каймой у плавников!..

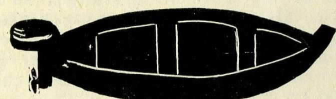
Думин и Ягушкин словно угадывают мое желание.

— Вы когда-нибудь наблюдали семужьи пляски? — спрашивает меня егерь, хитро улыбаясь.

Я улыбаюсь ему в ответ, думая, что он шутит.

— Смотрите! — Ягушкин решительно глушит мотор, а Думин стучит гаечным ключом по железной обшивке лодки.

Сильный всплеск хвостом — и над водой в брызгах и пене взлетело гибкое стремительное тело. Это было как по заказу. При-



меру первой семги последовали еще две, а потом началось... То тут, то там серебряными молниями прыжков прочертили реку могучие рыбины.

Семга очень любит звук металла — он подобен для нее музыке. Рыбы резвились, как дети, — открыто, самозабвенно, не страшась людей, которые, не отрывая глаз, смотрели на их воздушные пируэты. Они радовались дому, пресной воде и той уютной заводи, в которой найдут, быть может, свое счастье.

...По Пинеге идет северная царь-рыба — семга. Идет на родину, повинуясь великому закону природы.

О. ЛАРИН

„ГЕНИАЛЬНЫЕ ЖИВОТНЫЕ“

Рекордсмены запоминания в мире животных — кошки и собаки. Они хранят впечатления от окружающего мира неделями и месяцами. Ну а что вы скажете о собаке, которая десять лет спустя опознала человека, которого она видела лишь мельком? Разве этот факт не говорит о выдающихся способностях?

Как же отыскать «гения», скажем, у шимпанзе — умнейших среди обезьян? Все ученые, наблюдавшие шимпанзе, единодушно утверждают — невозможно найти среди них двух животных с одинаковыми чертами. Внешний вид, темперамент, интеллект и способности — все это у шимпанзе не в меньшей степени изменчиво, чем у человека. Поэтому-то так трудно узнать, на что способны эти животные.

Экспериментальному обследованию подверглись лишь несколько десятков шимпанзе, имена которых все время повторяются в научной литературе: Султан, Чим, Иони, Рафаэль, Вики и другие. Маловероятно, чтобы среди столь небольшой группы можно было встретить обезьян с задатками «гения». Может быть, «гений» рода шимпанзе живет где-нибудь в африканских зарослях? Однако мы не знаем его, а он в примитивных условиях быта не имеет подходящего случая, чтобы обнаружить все свои способности. Но он ловко ведет свое стадо мимо ловушек и западней, расставленных людьми. У него поразительная память и редкие способности к изучению. Он быстро приспосабливается к новым условиям и интуитивно чувствует грозящую опасность.

Примеров, когда животные проявляют особую сметливость и изобретательность, можно привести довольно много.

В Париже у подъезда отеля «Ниверне» когда-то сидел маленький чистильщик. Этот король владел ваксой, щетками, кремами и черным спаниелем — большим хитрецом. Спаниель добывал чистильщику работу. Он мочил в ручье свои большие мохнатые лапы и как бы ненароком касался ими башмаков случайных прохожих. Заметив это, чистильщик спешил предложить свои услуги. Бойкий и веселый, он появлялся со словами:

— А вот и я, мосье!

Когда работы у хозяина было много, спаниель тихо дремал рядом с ним; если же надвигалась безработица, четвероногий ловкач принимался за дело.

О проделках спаниеля первыми узнали швейцары, которым чистильщик бесплатно драил штиблеты. Они рассказали об этом судомойкам и поварам, те — гарсонам и метрдотелю. Так, переходя из уст в уста, слух о необыкновенном спаниеле дошел до всех посетителей отеля.

В ту пору в отеле жил богач англичанин. Он захотел посмотреть на чистильщика и его собаку. Спаниель ему приглянулся, и он решил купить его, предложив сначала 10 (мальчик не хотел расставаться с собакой), затем 15 луидоров — большие деньги!

15 луидоров соблазнили чистильщика. Спаниель был продан, посажен на цепь и на следующий день почтовой каретой отправлен в Кале. Там карету погрузили на пакебот, и через некоторое время спаниель оказался в Лондоне.

Маленького чистильщика мучили угрызения совести. И вдруг — о радость! — на пятнадцатый день, усталый и грязный, спаниель вернулся. Как это ему удалось, остается загадкой. Чтобы добраться из Лондона в Париж, ему надо было запомнить дорогу, незаметно забраться на пассажирское судно, чтобы переплыть Па-де-Кале. Но, может быть, он путешествовал в тех же самых каретах, в которых его везли в Лондон?

Жизнь животных в естественных условиях обычно протекает весьма однообразно. Их потенциальные дарования используются лишь в незначительной степени. Максимум своих способностей животное может проявить только в лаборатории, в искусственно созданной среде. Здесь-то и открываются неожиданные грани их интеллекта. Сейчас мы расскажем про обезьян, которых научили ценить монету.

Эти опыты проводил Джон Вольф в Йельской лаборатории сравнительной психологии. Подопытными животными были три самки шимпанзе — Альфа, Бьюла и Бимба и три самца шимпанзе — Бон, Вельт и Мус.

Для обезьян соорудили специальный автомат-кормушку (АК). Если в прорезь автомата бросить белую фишку, то в поставленную внизу миску выпадала виноградная гроздь — награда.

Первая задача — научить шимпанзе пользоваться автоматом. Экспериментатор рассыпал по полу жетоны. Затем поднимал их и поочередно бросал в автомат. Следящие за ним обезьяны отправлялись за лакомством.

И вот здесь сразу же сказались индивидуальные различия обезьян. Бон сделал первую попытку только после того, как исследователь опустил в автомат 180 жетонов. Но он опустил фишку не в отверстие автомата, а в миску!

В отличие от Бона Мус моментально уловил механику дела. Схватил белую фишку, неуклюже засунул ее в прорезь, затем положил свою увесистую лапу в миску, ожидая награды.

В начале эксперимента обезьяны почти совсем не интересовались фишками. Но когда они уразумели, что фишка может заставить этот чудесный аппарат выдать сладкие плоды, то оценили их по достоинству и даже дрались из-за них!

Кроме белых фишек, обезьянам дали еще медные пятицентовики. Их тоже можно было засунуть в автомат-кормушку. Однако желанная гроздь не появлялась. Шимпанзе быстро осознали никчемность этой монеты. Когда горсть фишек и медяков бросали в клетку, обезьяны хватали только фишки.

Ученый усложнил эксперимент. Теперь гроздь появлялась не сразу, а спустя несколько минут. Мус опустил фишку, засунул лапу в миску, но грозди не было. Секунда-другая — шимпанзе начал яростно трясти автомат, совсем как раздраженный человек.

Итак, шимпанзе узнали ценность фишек. Но смогут ли они зарабатывать их честным трудом? В клетку поставили еще одно хитрое устройство — рабочую машину (РМ). Обезьянам показали: подними рычаг — получишь гроздь!

Шимпанзе быстро освоили РМ. После этого им преподнесли новый сюрприз: вместо грозди рабочая машина выбрасывала одну белую фишку. Получив ее, шимпанзе отправлялись к автомату-кормушке и «покупали» заработанную трудом сладкую виноградную гроздь.

Труд был довольно тяжелый. Рычаг рабочей машины весил 18 фунтов — 7 килограммов! Требовалось длительное и большое усилие, чтобы поднять этакую тяжесть. Надо учесть, что шимпанзе были молоды — трех-четырех лет. Однако, ленивые и праздные до этого, они не только легко овладели трудовой профессией, но и продемонстрировали лихорадочное рвение к работе.

Мус и Бимба работали с таким пылом и в таком темпе (им предоставили неограниченную возможность пользоваться рабочей машиной), что сотрудники лаборатории начали опасаться за их здоровье. Они накопили большую груду фишек и яростно охраняли свои сокровища, не подпуская к ним других обезьян. За 10 минут Мус под-

нял рычаг 185 раз. Это эквивалентно подъему 1300 килограммов! Он так спешил заработать деньги, что не поднимал каждую фишку, как прежде, а быстро смахивал ее на пол, где груда обезьяньих денег все росла и росла.

Однако со временем Мус привык к рабочей машине и стал сдержаннее. Он работал лишь тогда, когда чувствовал голод, а фишек не было. Если резервный запас фишек был велик, Мус проявлял к рабочей машине лишь слабый интерес. Когда ему предоставляли свободу, он несколько раз поднимал рычаг, затем отходил от машины.

Некоторые шимпанзе, например Мус и Бимба, проявили бережливость — копили монеты. Если автомата-кормушки в клетке не было, они все-таки трудились у рабочей машины, зарабатывая фишки, хотя могли их истратить только на следующий день.

Когда все шимпанзе овладели рабочей машиной, ученый еще больше усложнил обезьянью экономику. Кроме белых фишек да пятицентовиков, в обращение ввели цветные монеты. Белая фишка по-прежнему давала право на получение одной виноградной грозди, голубая — двух. Красная позволяла утолить жажду — получить порцию

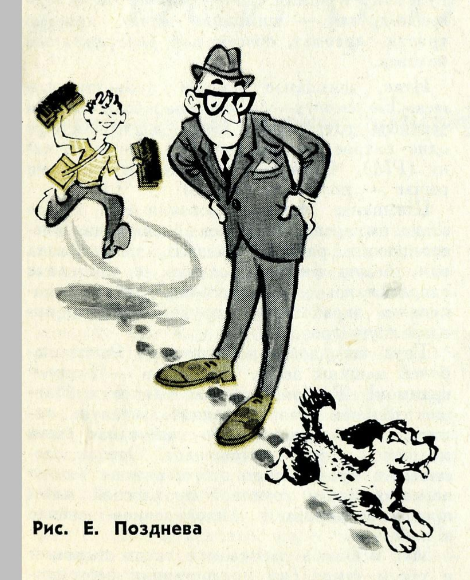


Рис. Е. Позднева

простой воды. А вот желтая фишка была совсем особого рода. Бросаешь ее в щель автомата — моментально отворяется дверь клетки, и появляется экспериментатор. Здесь уж можно не церемониться (желтая фишка это дозволяет!). Карабкаешься на плечи, садишься поудобнее, и тебя послушно (на то и желтая фишка!) несут из экспериментальной клетки в жилые покои — то-то радость! И с этой задачей — она требует уже довольно высокого уровня интеллекта — шимпанзе, как правило, справлялись. А дело это не простое.

Все обезьяны довольно скоро (около ста попыток) осознали разницу между голубыми и белыми фишками. Теперь они предпочитали голубые фишки.

С шимпанзе Бьюлой однажды случилась такая история. Она опускала в автомат-кормушку голубую фишку. В этот момент экспериментатор открыл дверь и выпустил в клетку белую крысу. А надо сказать, что самки шимпанзе ужасно боятся крыс.

От страха тело Бьюлы одеревенело. Что делать? Куда бежать? В отчаянии она обвела глазами клетку и стала осторожно, боком пятиться от ужасного белого зверя. И тут внезапно она заметила коробку с желтыми фишками. Схватила одну из них, засунула в автомат, затем, взгромоздившись на плечи экспериментатора, стала нервно дергать его, чтобы тот быстрее унес ее из клетки.

Опыты Джона Вольфа говорят о довольно высокой степени способности шимпанзе к абстрагированию. Но нам важно другое — индивидуальное различие обезьян. Одни обучались с трудом, медленно. Вспомним тугодума Бона. Понадобилось 237 жетонов, чтобы он наконец осознал, как действует автомат-кормушка! Другие же обезьяны — Мус, Бимба — схватывали все на лету и прочно удерживали в памяти.

Экспериментатор однажды взял Бимбу из жилой клетки в тот момент, когда обезьянам готовили завтрак. Она бурно сопротивлялась и как только оказалась в экспериментальной клетке, то разыскала желтый жетон, бросила его в автомат, и экспериментатор был вынужден (желтый жетон!) унести ее обратно.

...Она родилась в Перу, эта маленькая обезьянка-капуцин. Ее первый хозяин — геолог-нефтяник — купил ее, так как у нее был прекрасный «характер». Восьми лет она попала в руки к выдающемуся исследователю, чикагскому зоопсихологу Генриху Клюверу. Он в своих трудах называет ее П-И.

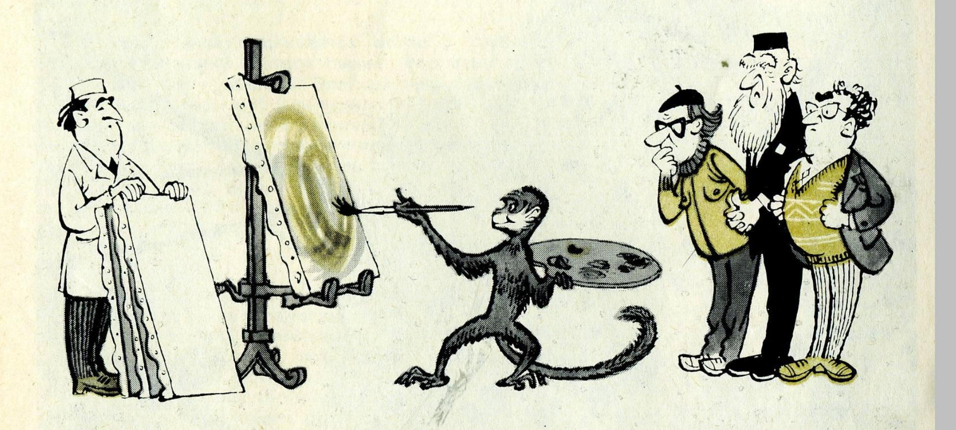
Распространено мнение, что шимпанзе — самые разумные среди обезьян. Однако П-И порой справлялась с механическими проблемами, которые не могли осилить шимпанзе.

П-И была очень вокальна. Она имела привычку «разговаривать» с бесчисленными инструментами, которыми ее снабжали во время многочисленных тестов.

Всего обезьянка-капуцин была испытана

в 207 тестах. Мы расскажем только про один вид опытов.

Железная цепочка, прикрепленная к металлическому столбу, расположенному в центре комнаты, ограничивала движения П-И. Кусок банана клали на пол или подвешивали к потолку — всегда так, чтобы П-И не смогла дотянуться до него. Зато в своем распоряжении П-И имела каждый раз какое-нибудь орудие. С его помощью — надо было только догадаться как! — она



в принципе могла подтянуть к себе лакомый кусочек.

Орудиями были Т-образная палка, кусок проволоки или каната. П-И давали приспособления и посложней: мешок, кожаный пояс, щетку, газеты, картон. Одно из наиболее необычных средств — крыса-альбинос, привязанная к тяжелому ящику достаточно длинной веревкой так, чтобы крыса могла бегать вблизи банана.

Для П-И крыса была лишь удобным орудием. Словно удочку в речку, забрасывала она крысу снова и снова, пока наконец не добилась цели — подтянула плод.

П-И проявила смелость и в других тестах. Поражала та страсть, с которой обезьянка отдавалась очередной проблеме. Если задача была очень трудна, П-И неотрывно занималась ею в течение часа и больше. Иногда она была так заинтригована новым приспособлением, что, игнорируя пищу, могла долго возиться с предметом, исследуя его, тщательно разбирая и превращая в игрушку, с которой она затем играла долго и изобретательно.

Но самой удивительной особенностью П-И была ее страсть к рисованию. По собственному почину, без какого-либо побуждения извне, она стала рисовать. Вначале она рисовала на цементном полу лаборатории. Кисть ей заменяли кусок проволоки, собственные ногти или случайно подвернувшаяся под руку щепка.

«Картины» П-И производили впечатление случайных каракуль. Обычно П-И наносила на полу (позднее ей дали цветные карандаши и бумагу) ряд линий, которые — это очевидно с первого взгляда — были взаимосвязаны. Нарисовав одну «картину», обезьянка передвигалась на новое место. При этом она трудилась над очередным «шедевром» так, словно знала, что хотела нарисовать.

Когда П-И дали цветные мелки, она обычно рисовала такие «картины». Брала, скажем, красный мелок и набрасывала красное пятно в центре. Вокруг него зелеными, голубыми и желтыми мелками, пририсовывала орнамент из фигурок.

Переоценивать художества П-И, конечно, не следует. Но здесь интересно отметить два обстоятельства. Во-первых, любопытно, что рисовала не шимпанзе, а капуцин — низшая обезьяна. Во-вторых, показательна та одержимость, с которой П-И отдавалась рисованию.

Если ее приносили в лабораторию и рисунки, сделанные ею вчера, не были стерты, она жадно рассматривала их, трогала, лизала, нюхала. Другие предметы в лаборатории так не приковывали ее внимания. Чувствовалось, что именно она — творец этих набросков.

Ю. ЧИРКОВ

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

МАЙ

Майское солнце еще не опалило молодую листву. Она по-прежнему ярко-зеленая, блестящая. Запах весенних листьев сливается с запахом белых цветущих садов. Воздух наполнен сказочным ароматом. Такое бывает только в мае. Солнце в этом месяце необыкновенное, с ласковыми теплыми лучами.

Луга оделись уже мягкой пуховой зеленью, которая ближе к лету превратит их в разноцветное колышущееся море.

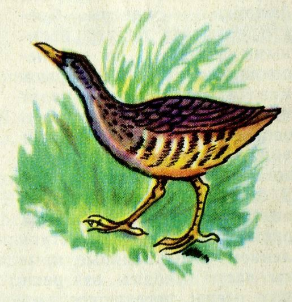
Все обновляется в мае. Лес, по-весеннему яркий, дарит свои ароматы. Цветут на полянах фиалки, ландыши, купальницы. Куда ни загляни, все ласково и празднично.

Тетерева-косачи никак не могут забыть весенние игры, которые они начали еще по насту. Правда, теперь косачи собираются на лесной поляне не так рано и не так долго чуфыкают и воркуют, но все-таки тетеревиный ток еще продолжается. Скоро он закончится — петухи улетят в густую чащу сменить свой боевой наряд. Скоро не увидишь над рекой и разноцветных селезней — они тоже спрячутся в глухие места и начнут линять. А когда отлиняют, то селезня и не отличишь от утки — он будет такой же коричневый. Селезень на лето полностью меняет яркий наряд, а вот косачи и летом будут черные, с изогнутыми хвостами и белым подхвостьем.

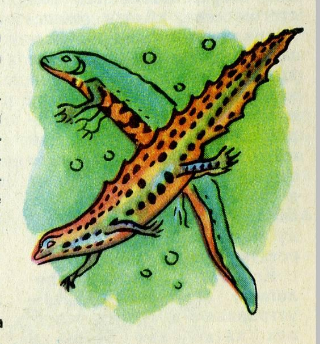
Рис. И. Кошкарева

На полях стеной поднимается рожь: в трубку пошла. А на яровом клину сеятели рыхлят боронами почвенную корку, чтоб влагу закрыть. Это они называют «сухим поливом». Волосяные трубочки-капилляры разрушены — влага из почвы быстро не испарится. А тут и дождички подоспеют. «Дождь в мае хлеба подымает», — говорят старые люди. Нужен он сейчас и лесу. Жухлая подстилка вон как ссохлась, под ногами гремит. Перед дождем зяблик подолгу стонет: «Рюм-рюм-рюм». В яркий погожий день песнь его звонкая, говорливая, с росчерком под конец.

У лисицы появился выводок. Осторожно подбирается к норе плутовка — не заметил бы кто логова. В гнезде, устланном травой и сухим мохом, шесть слепых буро-коричневых лисят. Нора у лисы чужая — барсучья. Когда поселились лисы в одном из отнорков, домовитый барсук старался еще кое-как терпеть рыжую пару. Но вот в гнезде залаяли щенята, и жить стало невмоготу. Да и как смириться ему, опрятному зверьку, с тем, что творится в лисьей половине? Ведь целый день хитрые хищники таскают в нору мышей, тетеревят, травяных лягушек, а то и зайцев и хорьков: малышей выкармливают. Неряшливость же лис известна, что не съедят — бросят. Вот барсук и сбежал подальше от такого соседства. Авось образумятся рыжие, когда выводок повзрослеет.



На мокром лугу скрипят коростели-дергачи. Звук такой, что подумаешь: несмазанная телега проезжает. Дергач пуглив и обычно к себе не подпускает близко. Но когда скрипит, никого не замечает, хоть на два шага подойди. Зато потом осторожный, от малейшего движения наблюдателя взлетает моментально. На взлете хорошо видны ярко-желтые крылья, опущенный темный хвост и вытянутые ноги. Но летун из дергача не получился. Неловко отлетев в сторону метров пятнадцать, он побыстрей снижается в траву. И бегом в кусты. На ходу его никто не догонит. Даже погоныш. Кстати, крик погоныша похож на свист бича.



В стоялом лесном бочажке резвятся гребенчатые тритоны. Сейчас они нарядны как никогда. Бугорчатая спина отливает зеленью, бока блестят, на горле оранжевый бант. Верхний плавник словно гребешок, из-за него тритон и назван гребенчатым. Наряд самочки невзрачен, да и гребня у нее нет. Тритоны способны восстанавливать утраченные органы — хвост, лапу и даже глаз!

Фото Г. Тафинцева и А. Щеголева

Березки зазеленели! Тонкие ветки густо унизаны мелкими сборчатыми листочками. Возьмешь такой листочек в руку, а он клейкий-преклейкий и необыкновенно душист. Воздух теперь в березняках свеж, ароматен и заметно сдобрен легкой пыльцой. Ведь белоствольные деревья, обзаводясь листвой, еще и цветут. Майский ветерок отряхивает соцветия-сережки, клубит пыльцевые зерна в нарядных кронах, ласково перебирает ручьистые косы ветвей. А где-то рядом вздыхает кукушка. Жалобное «ку-ку» раздается с утра до вечера. Голоса леса со всех сторон.

Отцветает черемуха. Лепестки осыпались к подножию кустов, а на длинных кистях завязались зеленые бусинки плодов. Самое время обзаводиться листвой дубу. Наклюнулись крепкие почки, выдвинули маленькие листики, и корявые сучья сразу преобразились. К тому же и цветы красят. Даром что неприметные, а все-таки есть. «Дуб одевается — скот наедается», — услышишь от пастухов. Стало быть, на пастбищах трава отросла такая, что ее вдосталь хватает и коровам и лошадям.

В нашей стране давно живут и неплохо себя чувствуют гости из Северной Америки — ондатры. Кое-кто называет ондатр водяными крысами, но это неправильно. Водяная крыса куда меньше. Да и ведет она себя совсем по-другому, особенно зимой. Летом и водяные крысы, и ондатры живут около воды, роют в берегах глубокие норы и питаются всякой водной растительностью. С наступлением зимы водяные крысы часто уходят от реки или озера, поселяются под стогом сена, вблизи овощехранилищ и частенько посещают подполы в домах, где хранится морковь и картошка. Ондатры же на зиму остаются жить в своей старой норе. Нора эта длинным ходом соединяется с водой, и зверьки даже в самые глухие морозы преспокойно выбираются в воду и плавают там, собирая остатки растительности.

Когда озеро мелкое, с пологими берегами, ондатры устраивают в густых зарослях хатки, как бобры, и живут в них и зиму и лето.

Так было и на нашем озере — то там, то здесь среди тростника летом я встречал хатки ондатр, видел и самих зверьков, когда они бесшумно выныривали и плыли к своему домику, держа в зубах только что собранные стебельки осоки. Но потом что-то случилось, и ондатры покинули наши места.

Остались на озере лишь водяные крысы. Иногда они поселялись зимой под моей лодкой, которую я переворачивал кверху дном. Сверху лодку заносило снегом, а внизу оставалось свободное пространство, где и в самые лютые морозы было тепло. С наступлением весны я переворачивал лодку и всегда видел на земле много ходов, прорытых водяными крысами. Здесь крысы на зиму устраивали свои гнезда и отсюда отправлялись в разбойные набеги по подвалам и погребам.

Однажды во время зимнего похода собака вдруг подошла к какому-то бугорку и принялась раскидывать снег. Бугорок этот был метрах в двадцати пяти от озера. Я подошел к собаке, отвел ее в сторону, присел на корточки и стал внимательно разглядывать, что она там отрыла. Под снегом собака успела немного покопать мерзлую землю, но я не смог отыскать никакого входа, который подсказал бы мне, чья это нора.

Неужели собака ошиблась и копала просто так? Этого не могло быть — моя лайка никогда в таких случаях не ошибалась, — кто-то здесь живет. Каждый день навещал я таинственный бугорок, но долго не мог отыскать никаких следов.

Таинственный подземный житель, казалось, ни разу за все это время не выходил наружу. Если бы такую таинственную нору я встретил в лесу, то мог подумать, что там спит барсук или енот, но подземное жилище было далеко от леса, почти рядом с озером. Я обошел все вокруг, разрыл во многих местах снег, но нигде не обнаружил выхода из норы. Пришлось ждать весны. Когда оттает земля, можно еще раз проверить, что за подземный житель все время волновал мою собаку и задавал мне так много загадок.

Пришла весна, наше озеро разлилось, и вода вплотную подступила к загадочной норе. Как-то вечером я осторожно подошел к бугорку и увидел на воде большую ондатру. Она, видимо, отдыхала, но, заметив меня, быстро нырнула. В прозрачной воде я хорошо видел: она скрылась как раз там, где мой таинственный бугорок оступался в воду.

К середине мая вода начала уходить, и вскоре я заметил в бугорке небольшой ход, который вел в нору. Ход поднялся из воды, и ондатры им перестали пользоваться. Больше того — вскоре они заделали его совсем. Неужели зверьки снова решили покинуть наше озеро? Нет, ондатры так же жили в своей норе, так же плескались в озере, но теперь выбирались в воду по другому ходу. Этот ход был длинным — он-то и соединял нору с водой в любое время года.

Ну а вы, следопыты, часто ли встречали следы ондатр? Видели ли их хатки над водой? Приходилось ли вам наблюдать, как переселяются ондатры с места на место? Напишите об этом в «Лесную газету».

СЛЕДОПЫТ

Он ничейный. Но покажется кто на тропинке возле леса, и сорочонок бесшумно слетит откуда-то и сядет неподалеку. Если сделаешь к нему шаг — он отлетит, сделаешь другой — и он отступит подальше. Побежишь к нему — он вспорхнет и снова будет кружить, как бы выпрашивая лакомство. Однажды я принесла ему хлеба. Отломила несколько кусочков и дала ему. Сорочонок набрал полный рот, даже из клюва кусочки торчали. Когда уже некуда было брать, он поднялся и полетел на дерево расправляться с хлебом. Самое интересное, что подлетает и кружит сорочонок только тогда, когда несешь сумку. Если идешь с пустыми руками, не жди, он не подлетит и даже не покажется.

ИРА БОГУСЛАВСКАЯ

г. Владивосток

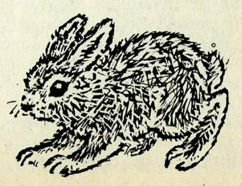
В начале осени с мамой и сестрой я поехала в лес. Когда корзинки были почти полные грибов, я увидела у мощных корней сосны крошечного зверька. Это был маленький зайчонок. Мы думали, что он мертв, потому что бок у него был в крови и глаза закрыты. Но когда я дотронулась до зайчонка, он пошевелил лапкой. Грибы из моей корзины мама разложила по двум другим, а в мою корзинку положили зайку.

Дома мы промыли рану нашему зверьку, забинтовали его и поставили перед ним блюдце с молоком. Но он самостоятельно пить не умел. Тогда мы стали кормить его из пипетки. Зверек пил, захлебываясь и толкая пипетку от нетерпения. Назвали мы его Кузей. Кузя стал жить в ящике. Ел Кузя картофель, морковь, капусту, хлеб, глодал веточки и пил молоко. Так он прожил у нас всю зиму.

Когда растаял снег и побежали ручьи, Кузя стал нервничать, проситься на волю. Тогда мы посадили зайца в большую сумку, потому что Кузя вырос за зиму и та корзина, в которой его принесли, уже не годилась. Сидя в сумке, Кузя нервно дергал ушами и с испугом оглядывался. Только мы вошли в лес, Кузя стрелой вылетел из расстегнутой сумки, пошевелил на прощание ушами и скрылся в густых кустиках черники. Прощай, Кузя, не забывай нас!

МАРИНА САФРОНОВА

г. Рига



Заметь в мае:

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПЕРВЫХ ЛИСТЬЕВ БЕРЕЗЫ. Белоствольные деревья будто в зеленой дымке, кроны зазеленели.

ПРИЛЕТ ПЕРВЫХ ЧЕРНЫХ СТРИЖЕЙ. После прилета птицы сразу появляются в местах гнездовий. Летящий стриж похож на серпик. При полете издает пронзительный визг, этим легко отличается от ласточки.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОРОЗОК В ВОЗДУХЕ. Запиши дату, когда последний раз температура воздуха была ноль градусов или ниже. Тут же отметь повреждения, причиненные заморозками в саду и на огороде.

НАЧАЛО ЦВЕТЕНИЯ ЧЕРЕМУХИ. Отметь первый день распускания цветочных кистей.

НАЧАЛО ЦВЕТЕНИЯ ОБЫКНОВЕННОЙ СИРЕНИ. Между развернувшимися чешуйками плодовых почек показались бутоны.

НАЧАЛО ЦВЕТЕНИЯ РЯБИНЫ. Определи день, когда в соцветиях-щитках раскрываются венчики первых цветков. Раскрывание цветков идет от краев к середине щитка.

Проверь, правильно ли утверждается в народных приметах:

Когда цветет черемуха, налетают «черемухины холода».

Соловей петь начинает, когда может напиться росы с березового листа.

Ласточка прилетела — скоро гром загремит.

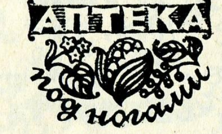
Солнце красным садится — к ветру.

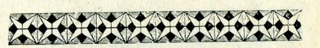
Облака идут быстро — к хорошей погоде.

Много майских жуков — к засухе.

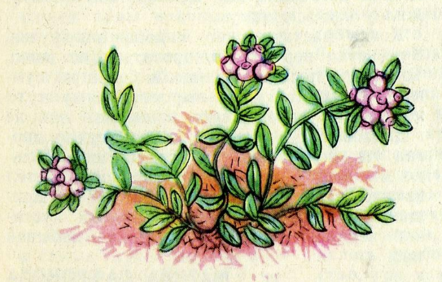
Поздний расцвет рябины — к долгой осени.

Весною ведро воды — ложка грязи.





В сухом бору расцвела толокнянка. Кисти розовых цветков вроде связок кувшинчиков, опрокинутых горлышком вниз. Преобразился вечнозеленый кустарничек, не быть же ему круглый год одинаковым. Кудесник май щедро разукрасил его, на радость пчелам. В толокнянке теперь подолгу гудят крылатые труженицы, собирая



с венчиков сладчайший нектар. А заодно и опыляют цветы. Ведь наше растение нуждается в перекрестном опылении и ветру не доверяет.

Нарядна толокнянка. Только пришли мы к ней не за цветами, а за листьями. Цветки ее не более как сигнал о начале целебного сбора — листья в такую пору обладают лекарственными свойствами. Но прежде чем открыть сбор, надо получше познакомиться с толокнянкой. Иначе ее можно перепутать с брусникой, ведь они растут вместе и к тому же внешне похожи.

Толокнянка раскидиста, стелется по земле, брусника же кустиками стоит. Листья у брусники тоже кожистые, но крупнее и книзу завернутые. А если на них взглянуть с изнанки, то они и подавно как бы мечены бурыми железистыми точками, чего у толокнянки нет. Веточка толокнянки напоминает гроздь, так много на конце скапливается листьев. Листья очередные, постепенно переходят в черешок, мягкие, с обеих сторон блестящие. Кора ветвей желтая.

Где толокнянки много, ее срывают ветками. Дома ветки сушат, затем обмолачивают. Чтобы отделить ненужную крошку, листья встряхивают в решете. Сухие листья на вкус горьковатые, вяжущие. Запаха не имеют. Отвар листьев применяют при воспалении почек.

В августе толокнянка плодоносит. Ярко на ней тогда рдеют красные ягоды. С виду они красивые, а есть нечего: внутри твердая мучнистая мякоть да пять костистых семечек. За скудость и называют их медвежьими ягодами, а сама толокнянка в шутку прозвана медвежьими ушками. Ягоды же брусники — сочные, вкусные, настоящий гранат Севера.

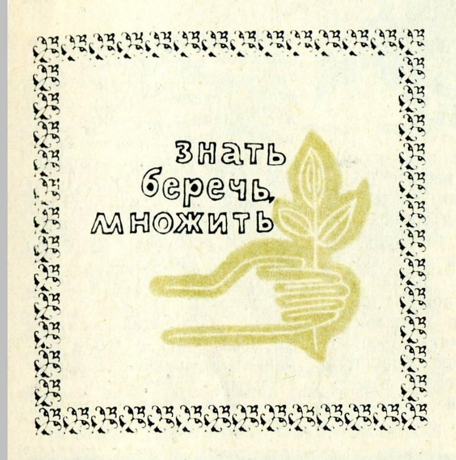
Зато толокнянка помогает людям избавляться от многих недугов.

Наконец и торфяники прогрелись. Долго не размерзались, зато, когда оттаяли, сразу зазеленели. Будто и зима нипочем.

Да так оно и есть. Замшелые болота вечно зелены. Не сбрасывает свои листочки и клюква. Ее нитчатые стебельки и после зимы сияют свежими листиками, как летом. Только вот заметить их на мху нелегко — сливаются, слишком уж эти листики мелки и неприметны. Зато ягоды не хуже ярких бус! Красные, круглые, крупные — так и бросаются в глаза на моховых кочках. Вот за ними-то мы и пришли на вешнее болото. Перезимовав, ягоды эти стали слаще и сочней. По осени были твердоватые, а теперь так и лоснятся от избытка сока. Клади их в кузовок, не пожалеешь.

Вешний сбор клюквы — третий по счету. Первый был в сентябре прошлого года, когда ягоды только-только созрели, второй — перед тем, как установился снеговой покров, и третий — весной, до цветения этого стелющегося полукустарничка. Цветение начнется в конце мая — начале июня, и тогда клюквенное болото зарозовеет от россыпи четырехлепестных цветков. На концах тонких веточек загорится сразу по нескольку цветочков. А пока красуются бусины ягод.

Собирать их долго, поэтому настоящий охотник до ягод берет с собой гребенчатый совочек. Подденет зубцами клюквенный стебель — и ягоды в совочке!



РАСЦВЕЛА

ЧЕРЕМУХА

Фото И. Константинова, Р. Воронова, Л. Плешакова

Знала я одну девочку. Любительницу цветов. Она жила в нашем доме. Мне часто приходилось слышать, как ее мама с умилением говорила:

— Моя Танюша так любит цветы! Наверное, она будет знаменитым биологом.

Однажды, зайдя по какому-то делу к Таниной маме, я и вправду увидела много цветов. Большой пестрый букет стоял на письменном столике Тани. В нем были и красные маки, и резеда, и душистый табак — точно такие цветы росли на нашем дворе.

Мы, все жильцы, любили свой дворовый садик — несколько деревьев и маленький газон с цветочными рабатками, которые так украшали тесный городской двор. И очень огорчались, когда время от времени с наших рабаток пропадали цветы. Вот, значит, куда они переселялись!

В другой раз я встретилась с мамой и дочкой, когда они возвращались с загородной прогулки. Целые снопы увядших полевых цветов тащили они, обливаясь потом. А на следующее утро груда жалких остатков того, что еще вчера было веселыми ромашками, яркими гвоздиками и нежными колокольчиками, оказалась сваленной в углу двора.

— Боюсь, — сказала я тогда Таниной маме, — что из вашей дочки не получится не только знаменитого биолога, но и просто хорошего человека.

Мама обиделась.

Сейчас на дворе весна. В окна врывается теплый, упругий воздух, все увереннее прогуливается по небу солнце. С оголтелым чириканьем суетятся во дворе воробьи. В лесу, должно быть, уже пробилась свежая травка, по опушкам замелькали золотые шарики одуванчиков. Пора расцветать черемухе.

Подумаю о ней, и становится грустно. Опасаюсь: не собирается ли сейчас Таня с мамой и их «единомышленниками» на загородную прогулку? Убережется ли от них лесная красавица?

Нет, наверное, в лесу несчастнее деревьев, чем черемуха да еще зимняя страдалица — елка. Еще издали, даже зимой и без листьев, черемуху узнаешь сразу. По вывихнутым тонким стволам, намертво пригнутым к земле, по култышкам обломанных и ободранных сучьев.

Тяжко расплачивается черемуха за свою красоту и незащищенность. Вернее, за чье-то варварство. Кто из нас не видел, как толпы «любителей цветов» тащат в воскресных поездах огромные черемуховые веники, осыпающие белые лепестки? Одни упорно несут их до дома, чтобы завтра выкинуть лесную красу в мусорный ящик. Другие не хотят затрудняться и этим — по пути засовывают загубленные ветки в урны на вокзалах и в метро.

Искалеченная, полузагубленная, черемуха в назначенный час все же одевается в белое ароматное кружево — встречает весну. Бессловесная, лишь тихим шелестом листьев встречает и друга и врага. Не может закричать, когда поднимается на нее бессердечная рука. Не может убежать или защититься — природа не дала ей ни шипов, ни яда. Все больше умирает черемухи в пригородных рощах, и может статься, что в недалеком будущем не увидишь ее там совсем. А ведь черемуха не только первая красавица северных лесов, она и лесной доктор. Ее листья выделяют летучие фитонциды, от которых гибнут микробы — возбудители болезней. Воздух возле черемухи становится чистым и здоровым.

Да разве одна черемуха клонит головы под набегами тех, кому не жалко ничего красивого, живого? Помните тоненькие, еще безлистные веточки «багульника», которыми так бойко торгуют на улицах зимних городов? Может быть, сами ставили их в воду, наблюдали, как через некоторое время раскрываются на веточках легкие сиренево-розовые цветки, а потом появляются и листочки?

Багульником в Сибири неправильно называют даурский рододендрон. Он хотя и родственник настоящего багульника (одного с ним семейства вересковых), но все-таки совсем другое растение.

Рододендрон, само название которого означает «розовое дерево», — ранний вестник сибирской весны и первый красавец тайги. Когда он цветет, на крутые склоны сопок, поросшие сосной, будто ложатся розовые облака.

Но вот беда: с каждым годом все больше редеют рододендроновые облака. Жадные «любители», узнав, как легко расцветают в тепле тонкие веточки, добрались и до них. Режут нещадно, вагонами гонят в города. Постоит веточка неделю-две в вазе, раскроет несколько цветков и летит в мусорное ведро. И мало кому приходит в голову, что так вот, походя, губится не только мимолетная красота, которую растение копит годами. Исчезает с лица земли маленькое чудо.

Даурский рододендрон — одно из редкостных растений, которые называют реликтовыми. Оно сохранилось в таежных краях с тех далеких доледниковых времен, когда в Сибири было куда теплее, чем теперь в Сухуми. Миллионы лет, поколение за поколением приспосабливался рододендрон к перемене климата, к холодам. Чтобы выстоять, пришлось пускаться и на выдумки.

Если в жаркий безветренный день поднести к веточке рододендрона зажженную спичку, веточка с шумом вспыхнет бесцветным пламенем. Но само растение не сгорит, останется невредимым. Это вспыхивают пары эфирного масла, которые выделяют листья. Так рододендрон хитро приспособил себе невидимую «эфирную шубу», в которую закутывается, чтобы уберечься и от дневной жары, и от ночного холода.

А недавно ученые-медики нашли, что даурский рододендрон и для них драгоценный клад. Вытяжка из его листьев, оказывается, убивает даже таких страшных микробов, как возбудители холеры и чумы.

Клад, который природа сберегала миллионы лет, начинает ускользать из человеческих рук. Не случится ли скоро, что и самая старательная экспедиция ученых не отыщет его следов?

Короткой весной напоенная дождями, обычно сухая земля пустыни спешит отдать свою силу тысячам, миллионам всевозможных цветов. Красивейшие среди них — тюльпаны.

Среднеазиатские дикие тюльпаны с давних пор славились во всем мире. За особую красоту и величину цветков. Да и зацветают тюльпаны пустынь на две-три недели раньше садовых и очень выносливы. Садоводы прославленной страны тюльпанов — Голландии — еще много лет назад снаряжали свои экспедиции в Среднюю Азию за дикими луковицами, а потом с их помощью получили много новых прекрасных сортов. Нужны они и нашим ученым, да вот уже почти и не найдешь то, что нужно. Всякое море не бездонно, в том числе и тюльпанное. И его можно вычерпать.

Конечно, настоящих любителей природы куда больше!

Для нас лесные и полевые цветы — это наивысшая красота природы, помогающая нам стать добрее, лучше. Это множество разных лекарств, спасающих нас от болезней. Цветы разных широт, закаленные в трудной борьбе за жизнь, — это лаборатория ученых, полная еще не открытых чудес. И если, подобно сибирскому рододендрону, тюльпанам пустынь, степным ирисам Крыма или совсем уже редким орхидеям Севера, они начнут исчезать с лица земли из-за неосторожного обращения, это будет ничем не возместимая потеря для будущей науки.

Распустил свои цветки ятрышник пятнистый — орхидея наших лесов.

Как молоком облитые, стоят сады вишневые, тихохонько шумят...

Значит, можете сказать вы, совсем уж и не рвать лесных и луговых цветов?

Ничуть нет. Каждому, побывав в природе, хочется взять с собой цветов домой. В этом нет ничего зазорного. Только не поддавайтесь азарту, помните: красотой цветов надо уметь пользоваться. Черемуховый или сиреневый веник, сноп полевых

Осенью на месте белоснежных цветков на груше появятся сладкие плоды.

цветов — не только бессмысленное истребление природы. Это и само по себе неразумно. Две-три веточки черемухи или сирени куда красивее смотрятся, чем десяток-два. Несколько ромашек или колокольчиков лучше выглядят, чем сотни натисканных в вазу полевых цветов. Каждая веточка, каждый цветок в небольшом букете живут, дают себя рассмотреть наилучшим образом. В венике ничего не рассмотришь, кроме общей пестрой массы. И растениям тут душно, тесно, они быстрее загнивают, вянут. Да, и не забывайте, что цветам совсем не безразлично, в каком соседстве вы их заставите жить.

В. ВЕТЛИНА

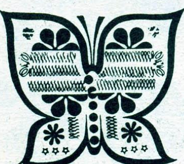
Оказывается, есть и такие яблони, на которых весной распускаются не нежно-розовые, а ярко-красные, пурпурно-сиреневатые цветки. ▶

Эту маленькую яркую бабочку можно увидеть летом на лесных опушках. Посмотрите, как пестро она окрашена. Недаром и название у нее — пестрянка. Но окраска у этой бабочки не простая. Словно красный светофор, предупреждает пестрянка всех своих врагов: «Не тронь меня, тебе же будет хуже».

И действительно. Стоит взять бабочку в руки, как на всех суставах ее ног и даже на брюшке выступают желтые пятна крови. А кровь у пестрянки очень неприятна, и, раз обжегшись, птицы перестают ее трогать.

Пестрянка — живучее существо. Даже такие сильные яды, как пары синильной кислоты, действуют на нее очень слабо.

У нашей бабочки есть «родственницы» и в тропиках. Только это очень крупные и раскрашенные во все цвета бабочки.

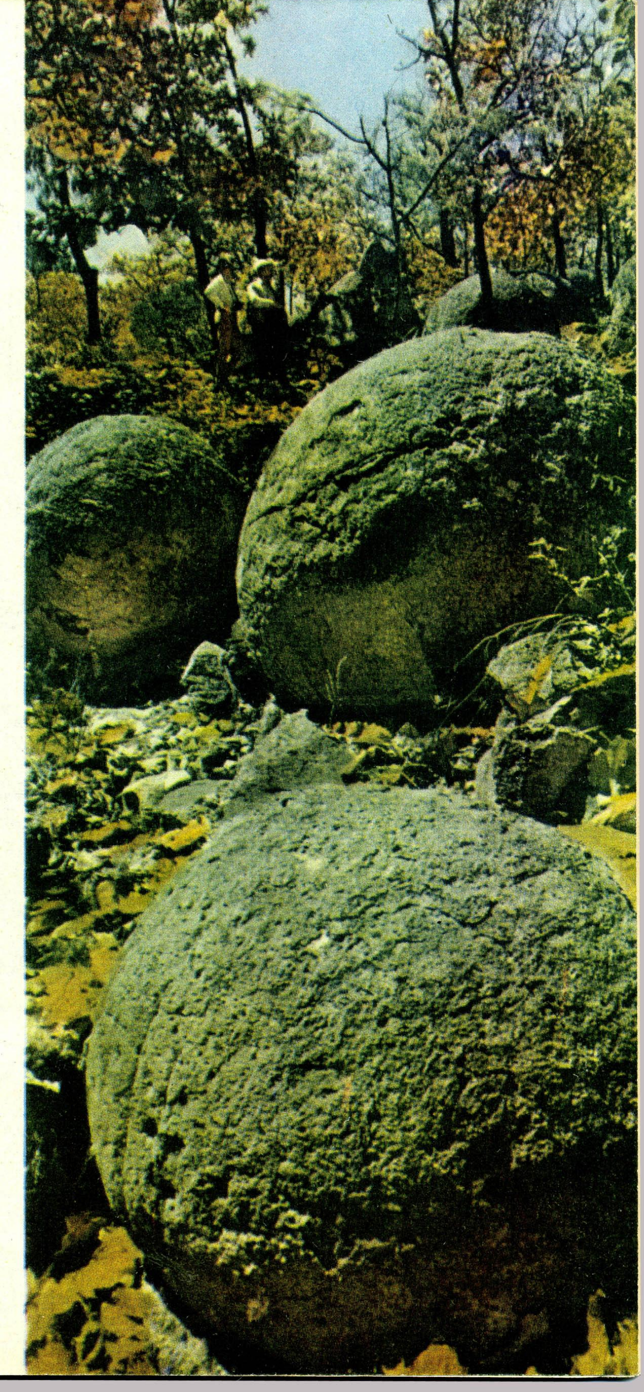


КАМЕННЫЕ БУСЫ ВУЛКАНА

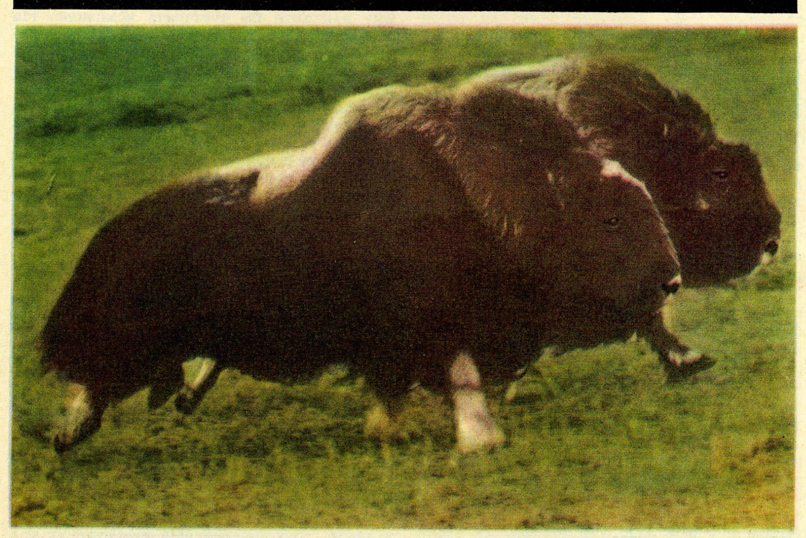
Это случилось пять лет назад. Находка в горах Мексики взбудоражила научный мир. Пять загадочных каменных предметов имели почти идеально правильную форму шара. Диаметр громадных каменных бусин был гигантским — от 180 до 240 сантиметров. Кто мог выточить эти удивительные шары? Не созданы ли они руками человека? Двенадцатитонные каменные исполины — памятники древней цивилизации. Головокружительная гипотеза!

Первой поднялась в горы экспедиция археологов и этнологов. Вот краткое резюме их исследований: шары состоят из мягкого вулканического камня, подобного породам, из которых сложены окрестные горные хребты. Градом сыпались новые находки, а вместе с ними, как ни странно, приходило разочарование. В пересохших руслах горных рек ученые наткнулись на множество каменных шаров диаметром от 60 до 330 сантиметров. И каждый такой шар был ядром, пущенным в шаткое здание, построенное фантазией приверженцев гипотезы искусственного происхождения бусин-гигантов. К чему человеку такое обилие шаров? Первая гипотеза пала.

Эстафета поиска перешла в руки геологов. Итоги полевых исследований и лабораторных анализов были отрезвляющими. Установлено, что возраст шаров — около сорока миллионов лет. Все они плод кристаллизации, происходившей в расплавленном вулканическом пепле в процессе остывания лавы. Кристаллизация начиналась, когда температура лавы падала до 530—760 градусов. Сначала возникли отдельные стекловидные частицы. Газы, выходившие из них, распространялись во всех направлениях, способствуя кристаллизации соседних частиц. Подобная цепная реакция и привела к рождению удивительных каменных бус вулкана.



Когда шерсть становится серой



По мере того как шерсть из черно-коричневой становилась серой, жизнь для него упрощалась. Он следовал только двум инстинктам: есть вдосталь и сторониться коров. Но таков уж удивительный закон скота на Севере: старые животные могут следовать за стадом до тех пор, пока на это способны. Если только они не мешают действиям вожака.

Приказы вожака всегда направлены только на благо стада. Вожак должен вести стадо, потому что знает, где есть лучшие пастбища. И он должен защищать остальных, потому что он самый храбрый. Воля его — закон для стада. И маленькое общество строит свою жизнь на этих мудрых правилах.

Старый бык зависит от стада. Оно защищает его от врагов и по-своему поддерживает его угасающие силы. Зимой, когда снег бывает твердым и глубоким, молодые животные откапывают сухую траву и, наевшись досыта, позволяют ему жевать остатки соломы или промерзлой ивовой коры.

У старого-престарого быка нет больше обязанностей. Природа до конца использо-

вала отведенное ему время, и дальнейшая его жизнь не оправдана ее законами, если не считать того, что он образует большое и надежное звено в оборонительном каре, защищая телят от волков. Но даже в этом случае он может только стоять, возвышаясь как валун. Не исключено, что именно поэтому ему позволяют оставаться при стаде. А может, стаду безразлично, живет он или нет, — ведь старый бык, пока он в состоянии, только и делает, что плетется позади других.

Лишь самые сильные животные доживают до тех дней, когда их шерсть становится серой. Таких быков совсем немного, но иногда встречаются чуть ли не седые старцы— настоящие привидения в мире животных. Тягостно смотреть на этих немощных гигантов.

Старый бык, о котором пойдет рассказ, был самым большим мускусным быком на всей Земле Гудзона, гораздо крупнее самого вожака. От гор Гизекефьелла до равнины Хоумз-Форланд не было, пожалуй, более крупного животного.

Был он высокий, с огромной грязно-желтой гривой на затылке. Копыта оставляли на глинистых плато гигантские следы. Его длинная шерсть волочилась по земле, и была она жесткой и твердой, словно проволока. Издали казалось, что движется большой валун, да и вес у него был подходящий.

И все же он был развалиной. Об этом прежде всего свидетельствовал цвет его шерсти. Она была серая. Рога сточены, лишь толстые сучки — остатки пышной короны — торчали на голове. Он едва мог передвигаться, неуклюже ковыляя на негнущихся ногах, с трудом неся свое грузное тело.

Старый бык медленно шел по проложенному стадом следу. Голова свисала вниз и раскачивалась при каждом шаге из стороны в сторону. Утомительна жизнь отжившего старца в конце долгих странствий по тундре и горам. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. И все же надо пройти как можно дольше. Не потому, наверное, что жизнь по-прежнему мила. Просто таков уж закон природы: старый бык до конца должен идти вперед — последние годы, последние километры. Пока не услышит сигнала.

Никто не знает, что это за сигнал. Но в один прекрасный день бык узнает, что скоро наступит конец. Он останавливается, давая стаду уйти, и, быть может, даже не смотрит ему вслед (если вообще еще может видеть). Потом ковыляет своей дорогой. Последний путь его ведет на запад — через долины, между гор, к большому леднику. Животные стремятся спрятаться, прежде чем падут от старости. Они ищут одиночества. Но в восточной, прибрежной части Гренландии, где бывают люди, никто еще не обнаружил скелета старого мускусного быка, павшего своей смертью. Видимо, его последний путь ведет в глубь материка, в неведомые нам просторы.

Был конец сентября. Первая метель сырым покрывалом одела землю до самого моря. Стадо быстро переходило с пастбища на пастбище. За стадом в снегу тянулась широкая черная тропа, а далеко позади, едва передвигая негнущиеся ноги, ковылял старый бык.

С ним шел молодой бычок. Отрадно было бы подумать, что юное создание сопровождало своего прапраотца, чтобы помочь ему или хотя бы составить компанию. Но выходило все наоборот. Своим присутствием он лишь дразнил и мучил старца. Как надоедливый слепень, носился он вокруг еле бредущего гиганта. Если дорога проходила по склону (а их попадалось немало), бычок всегда устремлялся на самый верх и бодал старика. Каждый гребень приходилось брать с боя. Старик был тяжел и еще мог принять удар. Но приходилось наклонять к земле мощное тело, и, когда налетал молодой негодник, больше всего доставалось ногам. И все же верх пока одерживал старый бык. Шаг за шагом продвигался он вперед. Искусством принимать удары, давить рогами на рога он по-прежнему владел хорошо. Но после каждой стычки приходилось подолгу отдыхать.

Такую подлость человек понять не в силах, и немало бычков пало от руки охотников, которые с негодованием наблюдали за подобными сценами, удивляясь столь бессердечному отношению к старым животным. К тому же это так нехарактерно для полярного скота вообще. Сражающиеся быки всегда следуют определенным рыцарским правилам, честной и благородной борьбе.

Стадо далеко ушло вперед, и на фоне холмов животные казались маленькими черными точками. Вот они свернули за гору, дорога пошла вниз, и стадо скрылось из виду. А оба быка, старый и молодой, продолжали свой путь, преодолевая препятствия, сражаясь за каждый гребень.

Но впереди что-то случилось. Послышался злобный визг и вой собак, им вторили крики людей, выстрелы и топот копыт скачущего каре. На стадо напали.

Быки остановились, прислушались. Но вот старый бык двинулся по следу вперед. Бывалый воин, он знал, что происходит. Не раз сражался он впереди стада против хрипящих волков. Давным-давно. Теперь он только занимал свое место среди коров в каре. И все же им овладело одно желание — скорее вперед, на помощь в оборо-

не. И он заковылял так, как не ходил уже много лет. Высоко нес голову, в глазах светились злоба и испуг.

Молодой бычок не последовал за ним. Он был достаточно взрослым, чтобы верить в собственные силы, но недостаточно умудрен опытом, чтобы сознавать свой долг перед стадом, и потому, дрожа от испуга, остался стоять на месте, прислушиваясь к доносившимся звукам. Внезапно он повернулся и помчался в горы. Природа не торопилась с раздачей инстинктов, и закон солидарности молодые быки познают лишь тогда, когда обзаводятся собственной семьей.

Старый бык не был стратегом. Он всегда шел только вперед и на сей раз не отступил от привычки: ринулся в самую гущу сражающихся. Там было его место.

Собаки с лаем бросились ему навстречу, вцепились в шерсть, но она была жесткой, как щетина, и до тела они не достали, а лишь повисли на быке, так и не сумев его остановить. Вокруг свистели пули, но они пролетали мимо. Старый бык прорвался к каре и занял свое место. Встал, тяжелый и надежный, прочное звено в системе обороны. С его появлением паника в стаде улеглась. Телята и коровы успокоились, перестали мешать быкам.

Каре стояло насмерть, и вряд ли какой-нибудь волк мог бы с ним теперь справиться. Настоящая живая крепость с отчаянными быками впереди. Но что стоила она против таинственного врага, который убивал, не подходя вплотную?

Пуля прошила вожаку грудь, и он рухнул мордой на землю. Из носа била кровь. Поднявшись на задние ноги, бык попытался снова стать в строй, но новая пуля попала в голову.

Навряд ли старый бык понимал, что происходит вокруг. Животные одно за другим падали замертво. Вначале быки первой линии, потом коровы, пытавшиеся занять их место, и, наконец, телята. Всех сражали разрывные пули, разбрызгивая в легкие и сердце шипящий свинец. И только старый бык один стоял во весь свой рост. К нему тесно прижался годовалый теленок.

Кто-то из охотников крикнул:

— Кончай стрельбу! Теленок пусть идет, а старик нам сейчас не нужен. Мясо у него жесткое, как манильский канат, его и мясорубка не возьмет. Пусть остаются.

Животных пощадили. Самого старого и самого молодого. Когда собак поймали и посадили на привязь, теленок хотел убежать, но старик стоял как пригвожденный. В ужасе, в раздумьях или отупев от старости? Никто не знает. Он лишь стоял, а охотники сдирали шкуры с его сородичей и разделывали туши. Он стоял и тогда, когда на санях отвозили мясо. Часами в одной и той же позе.

И лишь когда кругом стало тихо, он пошевелился. Окинув взором все, что осталось от стада, бык покинул место бойни. Беспомощный старец с праправнуком, идущим за ним по пятам.

Удивительный след вел по холмам на запад, черная и неровная полоска на свежем снегу. Огромные следы от старых разбитых копыт и маленькие точки от бежавшего сбоку теленка.

Без стада оба были обречены на смерть перед лицом наступавшей зимы. Старый бык, по крайней мере, знал свой приговор. Поначалу он почти не замечал теленка. Потом пытался его отогнать. Но других спутников у него не было, и вскоре старец о нем, очевидно, забыл.

Он продолжал идти. По равнине, которую мы зовем Вестфлюа, через долины Бедленд и Грейт-Уолли, на землю, где никогда не ступала нога человека и где долины, горы, нагорья до сих пор не имеют названия.

ЙОН ЕВЕР

Перевод с норвежского

Оказывается

СТРАУС ВМЕСТО СОБАКИ

Как известно, страус очень храбр, он смело атакует и догоняет любого своего врага. Это его качество использовали африканские пастухи, которые специально тренируют страусов для охраны овец. Тренированный страус может догнать любого врага и бесстрашно нападает на хищников, а удар его клюва может быть смертельным.

ПЕРЬЯ НА СПИНЕ

Каждый видел павлинов с распущенным хвостом, когда они во время тока, весной, расправляют свой великолепный шлейф. Но не многим известно, что эти длинные перья, украшенные на конце синими, с пестрыми ободками «павлиньими глазами», не перья хвоста, а растут прямо на спине. Перо шлейфа может достигать около двух метров в длину. Такие переливающиеся перья только у павлинов, павы же окрашены в простой землистый цвет.

— Друзья мои! С величайшей радостью открываю я заседание нашего Клуба сегодня, в такой торжественный, праздничный месяц — май. Цветущий май. Куда ни бросишь взор — цветы. И потому не удивительно, что заседание сегодня начинается с разговора о цветах.

— Ах, как это замечательно! Без нас, цветов, не обходится ни один праздник!

— Позвольте, кто вы?

— Девочка-цветок.

— Я знал лишь единственную девочку-цветок ростом не больше дюйма. Именно она живет в сказке, но, простите, вы нисколько не похожи на Дюймовочку.

— И нисколько об этом не жалею. Я выросла не в цветочном горшке и не из ячменного зернышка. Не ищите меня в старой сказке. Меня вырастили на клумбе мальчики и девочки, которые зовутся юннатами. Путешествуя с грядки на грядку, я видела такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А зовут меня Анюта Глазка.

— Прошу вас, Анюта Глазка, загадать Почемучкам свою загадку.

— Слушайте: отчего цветок анютины глазки так называют?

— Отличное задание.

— Так разве это задание? Задание впереди будет.

— Ну, если так, мы начинаем заседание нашего Клуба, хотя, впрочем, оно давно уже началось.

Продолжаем слушать рассказы о красоте любимого края. И напоминаем: в письмах, рассказах ждем сообщений о том, что делаете вы, ребята, для того, чтоб еще чудесней становилась родная земля наша, какое участие принимаете в охране природы, какой вклад вносите в это дело большой государственной важности.

Урал мой, Урал

Мы живем на Урале, в Свердловской области. Это наш родной край. О его богатствах и людях знает весь мир.

В нашем крае очень много лесов. Красив лес во все времена года! Весной он зеленый и душистый: цветы цветут. А летом лес сладкий. Ягоды зреют — земляника, черника, малина и брусника. А сколько грибов! Присмотритесь: под развесистыми елями выглядывает

Рис. В. Карабута

крепыш белый гриб, в березовых лесах — красноголовик, обабок. А сыроежек! К середине лета дружными семейками выходят грузди.

Сказочным становится лес осенью. Деревья наряжаются в золотистые, багряно-красные одежды. Подует ветерок — начинается листопад. Земля покрывается разноцветным ковром опавшей листвы.

Красив наш лес и зимой. Безмолвно стоят великаны под шапками снега. Только доктор-дятел нарушает лесную тишину да слышен писк небольшой синички.

НАТА ХОРОБРЫХ,

г. Каменск-Уральский

ВЕРА УШАКОВА

Свердловской области

Новоселы

Приехали мы на новую квартиру. Около нашего дома много других домов, тоже новых. Ребята посадили уже цветы, деревья. Деревья росли по сторонам газонов, а цветы — полукругом. Совсем как полянки в лесу, залитые солнцем. Ребята смотрели, чтобы никто не ходил по газонам, часто поливали их, ухаживали за деревьями, за цветами. Конечно, обидно было смотреть, что около нашего дома растет одна трава.

Тогда мы с ребятами решили, что надо и нам украсить двор. Осенью вскопали землю, раздобыли семена различных цветов, привезли нам саженцы. Деревья сажать помогали взрослые. Мы поливали деревья, ухаживали за ними.

Наступила осень, за ней прошла морозная зима, а за ней весна. Как-то в воскресенье мы все вышли как бы на ребячий воскресник, посадили цветы, взрыхлили ямки около деревьев. Почки на деревьях быстро набухали, стебельки молодых цветов наливались соком. И в мае у нас на газоне зацвел первый цветок — тюльпан.

ИРА КРАСНОВА

г. Куйбышев

Лесные часы

В каникулы я всегда уезжаю в деревню к дедушке. Дедушка у меня лесник. Он много знает о жизни растений и животных. От дедушки и я научился разбираться в хитростях природы.

Расскажу об одном случае. Однажды мы с дедушкой пошли в обход. Долго бродили по лесу, пока не вышли на большую поляну, всю в цветах. Дедушка, посмотрев на какой-то цветок, сказал: «Ого, время-то уж к пяти будет». Дедушка мне рассказал, что по цветам можно узнавать время. Только нужно знать, когда цветок раскрывается и когда закрывается.

Саша ЦЫГАНКОВ

г. Ясногорск

— Внимание, Почемучки! Многие ребята прислали письма, в которых содержится один и тот же вопрос: «Срочно нужны деревья для посадок. Где их взять?»

Замечательно! Замечательно, что нужны деревья. А взять их можно у самой природы. Не совсем понятно? Слушайте, что вам расскажет кандидат сельскохозяйственных наук Петр Иванович Мороз. И получайте еще одно важное задание.

Питомник в природе

Нельзя не залюбоваться красавцами тополями в сквере или плакучими ивами, склонившими ветви над прудом!

Но тополиный пух доставляет немало хлопот нашим мамам и бабушкам: залетает через открытое окно в комнату, скапливается под домами, заборами, в канавах, на тротуарах, лезет в нос, глаза. Из-за этой временной неприятности многие предлагают срубить все тополя, забывая, что это очень полезное дерево, незаменимая порода в озеленении городов и населенных пунктов. Имея большую листовую поверхность, тополь дает тень и прохладу, хорошо очищает воздух от пыли и газов, поглощает шум.

Кстати, ученые разработали способы борьбы с тополиным пухом. Во время цветения деревья тополя опрыскивают специальными растворами и их сережки опадают, не образуя семян.

Озеленители и лесоводы стараются разводить тополь. Его выращивают еще и потому, что он быстро растет и легко размножается вегетативным путем — частями веток, корней и корневыми отпрысками.

Казалось бы, все просто: весной порубил на куски ветку, воткнул их во влажную почву — пусть растут.

Но биологов вегетативный путь размножения не устраивает, и вот почему: этим путем передаются в наследство все болезни взрослого дерева. Деревья, выращенные из черенков, недолговечны, они рано суховершинят, имеют дупла, часто бывают поражены сердцевинной гнилью.

Деревья, которые выросли из семян, лишены таких пороков. Однако их выращивание связано с большими трудностями и затратами. Посудите сами, семена нужно собрать с деревьев до вылета из коробочек, отделить от «пуха», высеять в богато удобренную и влажную почву, прикрыть опилками и осторожно поливать два раза в день в течение 30—40 дней, так как семена прорастают очень быстро, но укореняются медленно и могут погибнуть.

Где же выход? Его подсказала сама природа. Семена тополя и ивы, скапливаясь в пониженных влажных и защищенных от ветра местах, прорастают. Попало семечко на влажную почву, прилипло волосками. Через некоторое время на нем лопается оболочка и выходят две семядольки. Кончик подсемядольного колена утолщается, пускает звездочку волосков, которые начинают жадно всасывать воду, а вниз отрастает малюсенький корешок. К осени молодой тополек пустит корни на глубину 20—25 сантиметров, а стебель поднимется на 18—20 сантиметров.

Самосев тополя и ивы можно брать для пересадки несколько лет подряд, так как растения обычно образуют неглубокую, хорошо развитую корневую систему. Целые заросли такого самосева можно отыскать в поймах рек на легких влажных почвах. Его следует искать недалеко от взрослых насаждений.

Такие заросли можно обнаружить и у старого пруда. Так, в селе Зирка Звенигородского района Черкасской области колхозники спустили сильно заиленный пруд, обсаженный старыми деревьями ивы и тополя. На илистом дне пруда вырос хороший самосев — до 200 штук на квадратном метре. А в пересчете на всю площадь здесь оказалось 2 миллиона пригодных для пересадки растений.

Ребята! Во время отдыха, на прогулке и на рыбалке, обнаружив молодые заросли самосева тополя и ивы, подсчитайте, сколько их растет на метровой площадке, а шагами установите приблизительную площадь. О находке сообщите учителю биологии или в ближайшее лесничество.

Отыскивая такие заросли в природе, вы поможете вырастить красивые, здоровые, долговечные деревья в лесополосах, парках, скверах, вдоль дорог и возле школы.

— Ах, все розы на клумбе, где я выросла, завяли бы от зависти, узнав, где я побывала. Их всегда срезают для лучших и торжественных букетов. И от этого розы такие важные, такие гордые.

— Какая ерунда! Вы тоже прелестный цветок, Анюта Глазка. На свете очень много скромных, невзрачных на вид цветов, но зато каких удивительных! Именно сейчас о таком цветке нам расскажет А. Я. Чирков.

Цветет копытень

Это растение нетрудно запомнить, даже увидев всего лишь единственный раз. У него похожие на конское копыто листья, сверху гладкие и темно-зеленые, снизу покрытые мелкими волосками и более светлые. Они развертываются весной, живут лето, осень и всю зиму. А следующей весной гибнут, как только вырастают молодые листья.

В конце апреля и в мае копытень цветет. Но цветы его заметить трудно. Невзрачные, грязно-пурпуровые, они лежат почти на земле, скрытые листьями от посторонних взглядов. А вот мелкие насекомые, привлеченные легким ароматом перца, который издают цветы копытеня, охотно посещают их. При этом поневоле они переносят пыльцу с одного цветка на другой.

Пройдет лето, к осени между парой зеленых листьев образуется большая почка. В ней побег будущего года — два маленьких сложенных листочка, а между ними бутон. Так они и будут зимовать, а весной, лишь только стает снег, пойдут в рост.

— А вот теперь пора и про мое задание сказать.

— Слушаем вас, Анюта Глазка.

— Пускай каждый назовет свой любимый весенний цветок и расскажет про

него самое любопытное, то, чего другие ребята не знают, да скажет, выращивают ли где юннаты такие цветы. К письму нужно приклеить самодельную марку — рисунок своего цветка. И тогда к зиме мы соберем букет из тысячи разных цветов со всех краев. Зимой цветы не цветут, а у нас букет.

— Хоть вы и цветок, Анюта Глазка, а не все цветочные секреты знаете. Уверяю вас, цветут зимой цветы. Майский ландыш — в феврале.

— Знаю, знаю. В сказке злая мачеха и за подснежниками зимой посылает.

— Вот и видно, что вы здесь впервые. Да, на заседание Клуба мы приходим из сказок, но все, о чем здесь говорится, отнюдь не сказка. Извольте выслушать совет Лидии Сергеевны Исаченко.

Ландыши... зимой

Если вы хотите среди зимы поставить на стол душистые весенние колокольчики ландыша, самое время поговорить об этом сейчас, в мае.

Накопайте в лесу корешков ландышей и высадите их на грядки в удобренную рыхлую почву в затененное место. Все лето пропалывайте, рыхлите, хорошо поливайте — ландыши любят влагу.

После первых легких заморозков растения выкопайте. Толстые, короткие, с тупыми почками пересадите в горшки. Остальные снова высадите на грядку. Причем более развитые посадите на отдельной грядке — к следующей осени они уже будут годны для выгонки. А те, что послабее, оставьте там, где росли.

Горшки заполните рыхлой торфянистой листовой землей с примесью песка, но без навоза. В каждый горшок высадите по нескольку корешков. Растения можно сажать и в неглубокие ящики рядами на расстоянии 3—4 сантиметров. Перед закладкой на зиму землю в горшках или ящиках полейте и накройте песком или мохом слоем в 10 сантиметров. Ящики поставьте в подвал, погреб или сарай, где температура зимой бывает минус 2—6 градусов. При низкой температуре в растениях сохраняются питательные вещества, необходимые для цветения, и удлиняется период покоя.

За две недели до выгонки горшки или ящики внесите в комнату. Главные условия для прорастания — тепло и влажность. Землю поливайте только теплой водой и почаще. Очень хорошо поставить горшки в ящики, наполненные мохом, сверху их тоже покрыть мохом, перенести к батарее или печке и накрыть фанерным или картонным ящиком высотой 10—12 сантиметров, чтобы сохранить постоянную влажность.

Через 17—20 дней ландыши пойдут в рост, и белые колокольчики начнут распускаться. Слой песка или моха снимите и постепенно приучайте растения к свету. Горшки поставьте на подоконник. Растения затеняйте, оберегайте от сквозняков.

Чтобы ускорить выгонку, ящики с растениями до того, как внести их в комнату, можно поставить в снег или покрыть их на ночь снегом. Приморожённые ландыши зацветают на неделю раньше.

— Полагаю, уважаемые Почемучки, всем ясно: совет, как заставить ландыши распуститься зимой, не что иное, как задание членам Клуба. Приступайте же к его исполнению. О результатах этого чудесного опыта прошу сообщить.

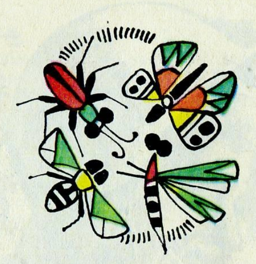
— Несправедливо! И я этого не потерплю!

— Паганель! Что так взволновало вас?! И каким вас ветром занесло?

— Не ветром, а загадкой. Но о ней потом. А сейчас о том, что заставило меня выразиться столь резко. Да, да, и я не побоюсь повторить: несправедливо говорить о цветах и умолчать о тех, без кого они не смогли бы существовать. Вы, конечно, догадываетесь? Да, я говорю о насекомых. Я утверждаю: цветы и насекомые неразлучны. И прошу кандидата биологических наук Владимира Григорьевича Ковалева поддержать меня.

Сообразительные бабочки

Бабочки и мотыльки — существа очаровательные, хоть сообразительностью, по общему мнению, не блещут. Да и к чему бабочке особые таланты?



Летает она между цветами, словно накрытыми столами со сладким сиропом и вареньем, проголодается — опустится на цветок и наслаждается нектаром.

На самом деле все гораздо сложнее. Оказывается, бабочки хорошо знают цветы и безошибочно отличают ядовитые или просто лишенные нектара. Каждый видел, как бабочки, отталкивая друг друга, теснятся на цветке, не обращая внимания на соседний, хотя он и крупнее, и ярче, и, казалось бы, куда привлекательнее.

Ошибаются бабочки очень редко, а если уж придется съесть что-нибудь ядовитое, не спешат складывать лапки, а лечатся. Отравившаяся бабочка садится на край лужицы, погружает в нее хоботок и как насосом накачивает в себя воду. Каждые несколько секунд с конца ее брюшка падает маленькая капелька воды. Так бабочка промывает желудок. Лечебная процедура может длиться долго, иногда полчаса, до тех пор, пока бабочка не почувствует, что весь яд вместе с водой не вышел из ее тельца. Вот вам и глупое насекомое!

— А теперь, уважаемый Мюнхгаузен, о загадке, которая привела меня сюда. Загадка редчайшая и необыкновенная. Конечно, вы слышали о термитах. Представьте себе: многоэтажный дом, в котором живут эти насекомые. На первом этаже что-то стряслось. Мгновение — и все этажи знают: тревога. Где, скажите, у термитов колокол, в который они бьют тревогу? Что, не знаете даже вы? Я так и предполагал.

— Не отчаивайтесь, друг мой. Если не знаю я, это вовсе не значит, что вы останетесь без ответа. Терпение — и вы получите ответ. Слушайте, что расскажет нам В. К. Григорьев.

По сигналу тамтамов

Маленькие африканские селения, затерянные в непроходимых джунглях, не связывают ни телеграфный провод, ни телефонный кабель, но вести о набегах воинственных племен или белых охотников за рабами издавна распространялись от деревни к деревне. Разносил тревожные вести грохот барабанов — тамтамов. Услышав сигнал тревоги, туземцы били в свои тамтамы, и новость передавалась в глубь джунглей.

Ученые обнаружили такой способ передачи вестей об опасности у термитов — мелких насекомых, живущих огромными семьями, по нескольку миллионов в каждой. Когда возникает опасность даже в самом отдаленном уголке термитника — многоэтажного глиняного небоскреба, в котором живут насекомые, по всем его камерам и галереям поднимается тревога. Любой термит, первым заметив опасность, может подать сигнал бедствия. Тамтамом ему служит... собственная голова. Термит приседает на ножках, потом расправляет их как пружины и изо всех сил бьется головой об стену. Микроскопический мозг запрятан глубоко внутри бронированной головы, поэтому «сотрясение мозга» термиту не грозит. Удары головы следуют в точно определенном ритме тревоги: три удара — пауза — снова три удара. Бьющего тревогу термита недавно удалось заснять на кинопленку, а его сигналы записать на магнитофонную ленту. Хорошо слышно, как барабанная дробь повторяется другими термитами. Прежде чем поспешить на помощь, они передают сигнал дальше, и скоро весь термитник готов к бою.

Органы слуха, если можно так сказать, уши термита находятся на коленях. Устроены они особым образом. Сигнал тревоги, поднятый даже очень далеко, термиты слышат прекрасно, а любой посторонний звук такой же громкости оставляет их равнодушными.

— А вот вам и вопросы Почемучек.

1. Какие растения являются живыми барометрами, предвестниками дождя?

Москва **ЛЕНА БУРАГО**

2. Однажды я с товарищами был в лесу. Вдруг из вороньего гнезда на нас летит зверь. Хвост у него пушистый, ушки маленькие. Это не белка, у нас в лесу нет шишек. Что это за зверь?

с. Нагольное, Белгородской области **СЛАВА ПЕРЕВЕРЗЕВ**

— Итак, наше заседание подошло к концу. До следующей встречи, друзья. Летом, в июне.

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

Июль 1944 года. Наши войска, форсировав Неман, освободили литовский город Алитус. В боях за него погиб мой друг — капитан Леонид Илларионович Гончаров. По образованию Л. И. Гончаров был биологом, точнее — орнитологом. Даже в напряженных условиях боевой обстановки ему каким-то образом удавалось наблюдать поведение животных, и прежде всего птиц, во фронтовой полосе.

После окончания войны я взялся за обработку очень кратких и малоразборчивых заметок моего друга. Многое, конечно, расшифровать не удалось. Небольшая часть наблюдений за природой в прифронтовой полосе сохранилась и в моих записях. Они также вошли в эти заметки, хотя удельный вес их незначителен.

В. Доброхвалов

Лето 1941 года. В августе бои разгорелись в Ярцевском районе, на реках Днепр и Вопь. Сражение с огнем и грохотом пришло внезапно в эти тихие места. Смерть повисла над лесами, болотами, реками, и все живое, казалось, покинуло здешние края. Не было заметно ни млекопитающих, ни птиц даже на таких прежде оживленных реках, как Вопь и Устром.

Впоследствии я убедился, что это явление весьма обычное. Полосу внезапно пришедших боев покидают и звери и птицы. Они уходят, как от лесного пожара. И только некоторые виды составляют исключение, причем большинство из них мелкие животные: мышевидные грызуны, мелкие куньи хищники, некоторые виды певчих птиц. Если бои затягиваются на продолжительное время, многие изгнанники возвращаются в родные места. И вот тогда они начинают проявлять крайнюю доверчивость.

Летом часто наблюдал я птиц. Они обитали в лесах и перелесках, буквально переполненных войсками. Из своей охотничьей практики я знал, на какое примерно расстояние подпускают человека те или иные птицы. Поэтому был неожиданно поражен их поведением.

Обыкновенный удод — обычно довольно осмотрительная на Смоленщине птица. Здесь же, на лесных дорогах, он подпускал на 5—6 шагов, отбегал на небольшое расстояние, неохотно взлетал и снова вновь усаживался. Сойки позволяли подходить к себе почти вплотную, а зорянка гонялась за насекомыми буквально в двух шагах от меня. Странно было видеть это, но факт сам по себе не представлял ничего загадочного. Встречая постоянно и повсюду людей, а главное, замечая, что люди не преследуют их и не обращают на них внимания, птицы, естественно, должны были привыкнуть к ним, стали менее осторожными, чем обычно.

Зима 1942 года. Как-то нам удалось наблюдать любопытную картину. Возвращаясь в одну прифронтовую деревушку, чтобы немного передохнуть, мы заметили на снежном поле, поросшем редкими кустиками, обыкновенную рыжую лисицу. Она «мышковала» недалеко от нас на широком, открытом со всех сторон поле и вела себя очень спокойно и уверенно. А между тем на соседних высотах гремел бой, звонкие пулеметные очереди непрерывно вспарывали морозный воздух, фашистские снаряды то и дело дыбили землю. Когда снаряд свистел слишком близко, лиса ложилась и плотно прижималась к снегу. В таком положении она находилась до тех пор, пока не переставали визжать осколки. Потом лиса приподнималась, настороженно озираясь по сторонам, и снова как ни в чем не бывало начинала охотиться за мышами. Она вела себя точно так же, как ведет себя хорошо обученный солдат.

Весна 1943 года. На днях я приехал на унылый безлесный участок, где мы условились встретиться с приятелем. Части держали оборону, и на передовой линии было сравнительно спокойно. К моему удивлению, приятель предложил ехать... на тягу. Я тотчас же вспомнил, что поблизости нет леса. Однако это соображение нисколько не смущало моего товарища.

— Пустяки. Недалеко отсюда кустарник, в котором я вчера днем вальдшнепа спугнул. Пойдем, может быть, «протянет» парочка, на наше счастье.

Солнце уже садилось, когда мы выбрали места. Кустарник низок и невелик по площади. Довольно сырая почва, поросшая мелким ивняком. Места, конечно, очень мало подходящие для обитания вальдшнепов, и тем не менее, чувствуя влажную прохладу весеннего вечера, видя яркие краски заката, я поверил в возможность тяги. Может быть, только в свои мальчишеские годы я волновался так, как тогда в двух километрах от передовой линии фронта.

Вдруг в воздухе что-то завыло, вой приближался, усиливался, множился на все лады, пока не перешел в сплошной визг, рев и грохот рвавшихся поблизости снарядов. Столбы вздыбленной земли и черного дыма встали над кустами. Визжащие осколки роем проносились над головой, срезая на своем пути тонкие ветки. То был настоящий артиллерийский налет. «Надо лечь», — мелькнуло в сознании, но почему-то унизительным показалось мне это здесь. Я присел на дно воронки и ждал уже неведомо чего. А обстрел продолжался с прежней силой, будто фашисты собрались стереть с лица земли этот тощий кустарник. На душе было и страшно и злобно. Очарование единственного за два года войны часа было грубо нарушено. Снаряды все выли, рвали землю, и она дрожала под ногами, сыпалась сверху мелкой пылью, смешанной с гарью, стояла в воздухе.

Каково же было мое удивление, когда сквозь дым разрывов я увидел летящую птицу. Это был вальдшнеп! Он «тянул» прямо через меня, беспокойно ворочая клюватой головой и как-то странно припадая то на одно, то на другое крыло, видимо, от резких колебаний воздуха. Я едва расслышал его обрывистый свист и, позабыв опасность, смотрел радостно и благодарно. Ни мне, ни моему приятелю и в голову не пришло выстрелить в птицу.

Весна 1944 года. Утром я находился на огневых позициях артиллерийского дивизиона. Пушки стояли в редком сосновом лесу, в полутора километрах от противника. Фашисты часто обстреливали лес из минометов.

Осматривая расположение батареи, я заметил на сучке сосны брезентовое ведро, внутрь которого были вставлены крест-накрест палочки-распорки. Я прошел бы, наверно, мимо этого сооружения, если бы не увидел птичку, присевшую на распорку, а затем юркнувшую внутрь ведра. Это была серая мухоловка, которую в народе называют еще пеструшкой.

Артиллеристы рассказали, что ведро провисело несколько недель. Пеструшки свили в нем гнездо. Люди не только не тронули ведра, но и помогли птицам, заботливо вставив распорки. Теперь в этом необыкновенном гнезде были уже птенцы. Их поминутно кормили то самец, то самка.

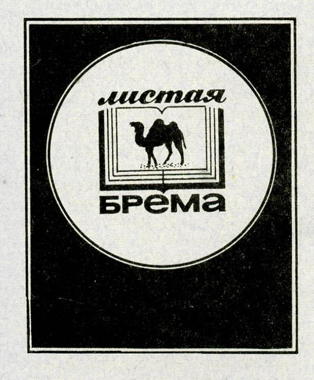
— Она у нас смелая, чуть на голову не садится, — сказал мне офицер-артиллерист.

Птицы и в самом деле были очень смелы. Они ловили насекомых у самых наших голов. Началась артиллерийская подготовка. Пушки били беглым огнем. Но этот грохот не мешал пеструшкам заниматься своим делом.

Лето 1944 года. Наше наступление развивается очень стремительно. В несколько дней промелькнули северные районы Польши с лесами, в которых, говорят, уйма дичи — косуль, лосей, волков. Здесь впервые за время войны встретил я и голубей, сидящих на подоконниках крестьянских хат и подпускающих к себе вплотную. Это совсем ручные птицы. Крестьяне подвешивают под крыши соломенные кошелки, в которых голуби гнездятся.

В Польше и Прибалтике мало скворечен. Вспомнил: проезжая год назад освобожденные белорусские села, я видел целые деревни, превращенные в сплошные пепелища. Люди ютились в шалашах или просто в землянках, под несколькими досками, накрытыми листьями обгоревшего кровельного железа. Но над развалинами возвышались скворечни.

Птичьи домики были свежими, только что сделанными. У каждого из них, помахивая крылышками, то булькала, то присвистывала темная блестящая птичка. Почему раньше собственного жилья люди построили птичий домик? Ну конечно, его построить легче, к тому же обычно этим занимаются ребятишки и старики. Люди поторопились поставить скворечни, чтобы не отвыкли птицы от деревни, чтобы они жили здесь. И эти обитаемые веселые домики стали символом того, что пройдет военная гроза и снова отстроится, начнет жить деревня.



ПЯТНИСТЫЙ СФИНКС

Окончание. Начало см. в № 4.

К концу ноября мы с Джорджем решили навестить наш дом в Исиоло и взяли с собой Пиппу. Пиппа сразу почувствовала себя в своей стихии и с упоением каталась по красноватому песку. Она облазила по очереди все акации возле дома, а потом открыла, что поблизости есть река. Я боялась, что Пиппа потеряется, и надела на нее поводок. Но она так отчаянно рвалась на свободу, что я вскоре отпустила ее, считая, что природный инстинкт поможет гепарду найти дорогу домой в незнакомой местности.

Речка была невелика, но в глубоких омутах мы видели крокодилов, и поэтому нам не хотелось, чтобы Пиппа переправлялась на другой берег. Тут ее отвлекли цесарки. Она бросилась к птицам, и они взлетели. Джордж подстрелил одну из них, птица, трепыхаясь, свалилась перед носом у Пиппы. К нашему удивлению, Пиппа скорчила недовольную гримасу и отошла в сторону. Немного погодя она заметила несколько жирафовых газелей. Эти грациозные газели живут только в жарких сухих местах. Возле Ваджира, где родилась Пиппа, они встречаются часто. Должно быть, инстинкт подсказал ей, что перед ней ее законная добыча; она сразу же погналась за стройными антилопами и надолго исчезла. Я испугалась, что она заблудится в густых зарослях акаций среди лавовых валунов. Но, когда Пиппа вернулась, счастливая и запыхавшаяся, мы окончательно убедились, что на ее инстинкт можно полагаться. С тех пор я брала ее к себе в комнату только с наступлением темноты, да и то потому, что мы слышали ночью рычание льва. Было рискованно оставлять Пиппу без защиты в таком возрасте.

Увидев, как хорошо здесь живется Пиппе, мы стали мечтать, что когда-нибудь нам удастся выпустить ее на свободу именно в этом месте. А оно было идеальным. И главное, домашний скот тут не пасли.

Очень интересно было наблюдать постоянство привычек Пиппы: она всегда терлась об одни и те же деревья, чесалась об одни и те же камни, неизменно отдыхала под своими любимыми кустами, хотя, на мой взгляд, они ничем не отличались от других. Может быть, это было инстинктивным стремлением утвердить территорию за собой?

Как только мы выходили на открытое место, я спускала Пиппу, и она уносилась вдаль. Казалось, что она без малейших усилий стрелой несется по равнине. Вскоре она познакомилась с птицей-секретарем, который бессовестно дразнил ее. Статный длинноногий секретарь стоял совершенно неподвижно и злорадно наблюдал за Пиппой, которая мчалась к нему. В последний момент он быстро взлетал, и все ее попытки достать птицу были напрасными.

Пиппа любила играть и с семейством бородавочников, в котором было пять крохотных поросят. Она всегда поджидала, когда они выйдут из укрытия: родители трусцой выбегали на равнину, а за ними в затылок, поставив хвостики торчком, едва поспевали малыши. Тут Пиппа налетала на них и вносила беспорядок в их стройные ряды. Как-то она довольно близко подобралась к поросенку, но поспешно отступила, когда кабан повернул к ней страшную клыкастую морду.

Однажды небольшой самолет приземлился невдалеке от нас. Пиппа мгновенно бросилась знакомиться со странной птицей. Летчик заметил гепарда и направил самолет по кругу. Пиппа пришла в восторг и носилась за самолетом, пока я не взяла ее на поводок. Казалось, ей совершенно неведом страх перед незнакомыми предметами — она смело

бросалась даже на грузовой составчик, который с шумным пыхтением катился по рельсам недалеко от нас. Все это вызывало у меня новые опасения.

Она научилась мастерски лазать по деревьям и, найдя дерево с подходящей грубой корой, быстро взбиралась на его вершину. Я часто удивлялась той уверенности, с какой она переступала по самым тонким веткам.

Пиппа с детства привыкла к поводку, но в Наро-Мору она так много бегала на свободе, что теперь не хотела терпеть его. Кроме того, на поводке ей приходилось идти рядом со мной, и это не давало ей возможности дразнить меня. На равнинах она часто убегала и пропадала из виду, но на мой зов она всегда трусила ко мне рысцой. Увидев, что я ее жду, Пиппа останавливалась и начинала принюхиваться к чему-то. Тогда уходила я, притворяясь равнодушной. Она шла за мной, но стоило мне обернуться, как она тут же застывала, смотрела в сторону и ждала, пока я снова двинусь вперед.

Пиппа была удивительно ласкова и, как все живые существа, отзывалась на ласку. Но показывать свои чувства не любила — только мурлыкала, покусывая мои руки и уши.

Ей нравились любые игры. Например, она таскала с собой какую-нибудь тряпку и хотела, чтобы я отнимала ее. Я гонялась за Пиппой по всему вольеру. Она взлетала на свою площадку, ложилась и, придерживая тряпку лапами, явно ждала, чтобы я попыталась ее выхватить. Если это мне удавалось, она спрыгивала на землю и начинала плясать вокруг меня, стараясь вырвать тряпку. Была у нас старая автомобильная покрышка, болтавшаяся на веревке. Пиппа не сразу привыкла к этой ускользающей игрушке, но постепенно обнаружила, как можно с ней справиться. Крепко ухватив ее, она начинала ходить по кругу на задних лапах.

Кормила я Пиппу по вечерам после прогулки. Я знала, что гепарду необходимы птицы, и однажды добавила к мясу несколько птиц-мышей, которые стаями гнездились неподалеку от нашей палатки. Они ей не понравились, а к цыплятам, которых я ей дала, она вообще не прикоснулась. Пиппа объявила голодовку, и мне пришлось снова кормить ее постным мясом, добавляя витамины взамен перьев и хрящей, которые она ела бы на свободе.

Нам хотелось побывать в недавно организованном заповеднике Исиоло. Пиппу взяли с собой. Утро было великолепное, мокрая после дождя равнина блестела на солнце. Здесь песчаная почва быстро впитывает воду, остаются только небольшие лужицы. Климат такой теплый, что сезон дождей никогда не наводит уныния. Мы ехали по равнине вдоль болота и ручейков, струившихся в тени пальм. Пиппа вытягивала шею и прыгала по кабине, чтобы рассмотреть стада зебр Греви (это самые красивые зебры), ориксов, импал и других антилоп — все это были новые для нее животные. К тому времени, когда жара усилилась, а интерес Пиппы к окружающему поостыл, мы стали искать подходящее дерево для привала. Большая одинокая акация росла в излучине реки. В ее тени мы нашли идеальное место для завтрака. Стайка зеленых мартышек выглядывала из густой листвы. Они страшно всполошились, когда Пиппа выпрыгнула из машины. Эти мартышки мне нравились больше всех обезьян Кении. Я могла бесконечно любоваться их грациозными движениями и забавными черными мордочками в ореоле светлой шерсти. Казалось, что на них маски.

Пиппа едва удостоила их взглядом, улеглась под деревом и уснула. Мартышки были так удивлены видом гепарда, что любопытство оказалось сильнее их. Они расхрабрились и, подбираясь все ближе к Пиппе, подняли такой шум, что она возмутилась и ушла в кусты подальше от обезьян. Они же, не решаясь расстаться с надежным убежищем на дереве, перенесли свое внимание на нас. Пришлось оставить общество шумных друзей и присоединиться к Пиппе. Но отдохнуть мы так и не смогли: появилось стадо слонов. Почуя наш запах, они повернули с пронзительными воплями и перешли реку ниже по течению. Это было великолепное зрелище: слоны шествовали по неглубокой воде в затылок друг другу, матери подгоняли малышей. Хоботы у всех были тревожно подняты вверх. Только у противоположного берега они почувствовали себя в безопасности. Стали плескаться, обливаться водой, бороться и скатываться с берега как на салазках. Все время, пока слоны развлекались, Пиппа сидела, не сводя с них глаз и не шевелясь: она никогда еще не видела слонов. Вообще, это был такой счастливый день, что я была готова мурлыкать вместе с Пиппой.

Мне срочно нужно было вылететь в Лондон. Я попросила молодого дрессировщика, который работал со львами и давно интересовался Пиппой, побыть с ней в мое отсутствие.

Через три недели я вернулась, как раз в то время, когда Джордж привез Пиппу с очередной прогулки. Она устроила мне бурную встречу — прыгала, носилась вокруг, покусывала мои руки и уши. Джордж рассказал, что без меня Пиппа исчезала на два дня. Чуть ли не всю ночь искали ее, а на следующее утро обнаружили около шоссе.

На другой день Пиппа тащила меня на прогулку с такой скоростью, что я еле поспевала. На равнине мы, как обычно, играли, и она вела себя так же дружелюбно, как и до моего отъезда в Лондон. Солнце садилось, животные стали выходить из зарослей. Я позвала Пиппу, но она не обращала на меня внимания. Как бы хитро я к ней ни подбиралась, чтобы прицепить поводок к ошейнику, она всегда успевала отскочить и умчаться за кем-нибудь в погоню. Это продолжалось почти до самой темноты. Я пришла в отчаяние. На мое счастье, мимо проезжал хозяин фермы, и я попросила его передать Джорджу, чтобы он приехал за нами. Пока мы ждали, мне удалось взять Пиппу на поводок, но она упрямо уселась на землю, и я не могла сдвинуть ее с места. Приехал Джордж и попытался подманить ее куском свежего мяса. В машину прыгать она тоже не собиралась и только следила за нами недобрым, холодным взглядом. Когда мы к ней приближались, она отбивалась, царапая нас острыми когтями. Наконец Джордж накинул на нее одеяло и на руках отнес в машину.

Я была потрясена. Что случилось с Пиппой? Она никогда не была такой свирепой и упрямой, а злобу в ее глазах я видела впервые. Джордж сказал, что они не раз с трудом увозили ее с равнины, но не придавали этому значения, считая, что к нему и к дрессировщику она привыкла меньше, чем ко мне. Но на следующий день Пиппа вела себя точно так же, и я поняла, что стряслось что-то непоправимое. Пиппа перестала доверять людям.

И тут я решила испробовать старую хитрость. На следующий день я взяла с собой Мугуру, и мы чудесно играли втроем, пока не настало время возвращаться. Пиппа сразу поняла, что я хочу взять ее на поводок, и удивительно ловко ускользнула. Но все же я ее перехитрила — затаилась в кустах и схватила ее, когда она пришла меня искать. Я потянула за поводок, но она уселась по-собачьи, упираясь передними лапами в землю. Тогда я передала поводок Мугуру и пошла домой. Я успела отойти довольно далеко, когда Пиппа примчалась, таща за собой на поводке задыхающегося Мугуру. Я дала ему отдышаться и снова двинулась вперед. Так мы и дошли до самого дома.

Но этот прием действовал всего несколько дней, а потом Пиппа показала, что больше ее провести не удастся. Как только я передавала поводок Мугуру, она бросалась на него, так что он отлетал в сторону, потом усаживалась и отказывалась трогаться с места. Единственное, что мне оставалось,— пробовать справляться с ней в одиночку. Присутствие посторонних только злило ее.

Несколько недель мне пришлось до изнеможения простаивать в сумерках на ледяном ветру или под моросящим дождем, выжидая, пока она сдвинется с места. Я тихонько уговаривала и ласкала ее. Наконец она сдавалась и бежала к дому неторопливой рысцой. Дома ее уже ждал большой кусок мяса.

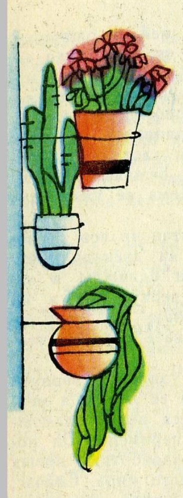
День ото дня Пиппа становилась беспокойнее. Она карабкалась на двенадцатифутовую сетку вольера, и однажды я застала ее уже на самом верху. Как я ни сочувствовала ее стремлению к свободе, пришлось срочно надстраивать козырек, чтобы она не сбежала.

С тех пор как нам удалось вернуть к вольной жизни Эльсу и ее львят, я мечтала, что мне предоставится новая возможность повторить этот эксперимент. Он послужит основой для разработки новых правил сохранения животного мира. Сейчас, в то самое время, когда дикие животные исчезают с угрожающей быстротой, в зоопарках новорожденных львят часто уничтожают, потому что на них нет спроса. В какой-то степени это, по-видимому, зависит от того, что в неволе львица рожает каждые три с половиной месяца, а на свободе она занята воспитанием львят в течение двух лет, пока они не станут самостоятельными. Когда мы научимся возвращать львов к дикой жизни, этот порочный круг будет разорван: африканский буш можно будет населить рожденными в зоопарках львами в том возрасте, пока они еще не очень состарились и с ними еще можно справиться.

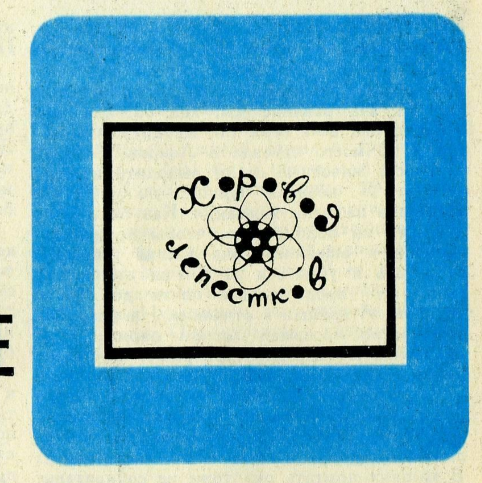
Гепарды гораздо больше нуждаются в помощи. Они не только исчезают в природе с пугающей быстротой, но и не размножаются в неволе, за исключением зоопарков в Уипснейде и Крефельде и частного зоопарка в Риме, принадлежащего доктору Спинелли. Насколько мне известно, никто еще не пытался приучить к свободе ручного гепарда. Кроме того, нам было интересно узнать, сможет ли гепард, вскормленный людьми, нормально размножаться на свободе. Что ж, мы приняли вызов!

Д. АДАМСОН

Перевод с английского



САД НА БАЛКОНЕ



Каждый балкон можно превратить в висячий сад. Здесь все будет как в настоящем саду: веселая радуга ярких цветов, приятный аромат, свежесть, прохлада. И шума меньше под зеленой защитой. Недаром говорят, что зелень и цветы — это здоровье!

Да и дом станет краше, вся улица повеселеет, если мы украсим балконы.

Что выращивать на балконе? Если ваш балкон выходит на южную, солнечную, сторону, тогда выбор растений очень большой. Здесь будут хорошо расти как садовые, так и многие комнатные цветы: герани (пеларгонии зональные), сальвии, гвоздики, настурции, вербены. Очень подходят такие вьющиеся растения, как душистый горошек, вьющиеся бобы, ипомея.

Другое дело, если балкон на северной или западной стороне. Тогда надо строже подходить к отбору растений. Здесь можно выращивать немахровую клубневую бегонию, табак душистый, плющ, виноград комнатный (циссус антарктический), традесканцию, фуксию, аралию (фатсию), кливию, аспидистру, аукубу, мирту, лигуструм.

На балконах, выходящих на восток, куда солнце заглядывает только по утрам, хорошо растут, например, бегония клубневая, фуксия, бальзамины, табак душистый, бархатцы, агератум (долгоцветка).

При оформлении балконов не увлекайтесь пестротой. Не гонитесь за большим разнообразием цветов. При выборе растений предпочтение надо отдавать цветам с яркой, жизнерадостной окраской, хорошо видной издали. Очень красивы ярко-красные цветки герани, сальвии, гвоздики, бегонии, душистого горошка.

Комнатные растения постепенно приучайте к свежему воздуху и солнцу. Для этого их вначале в погожие дни только на несколько часов выносят на балкон. Или же первое время прикрывают синтетической пленкой.

•

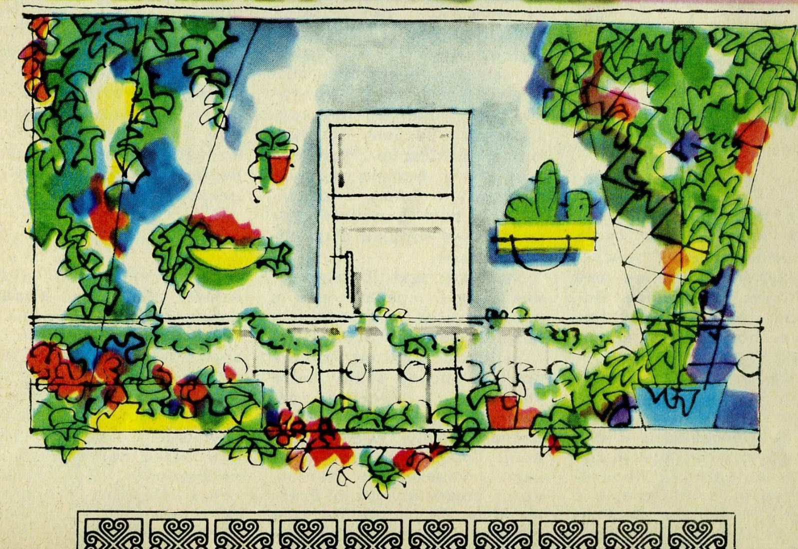
Обычно для выращивания балконных растений используют ящики. Но не делайте их большими, тогда они будут очень тяжелыми. Ширина ящиков должна быть не более 20—25 сантиметров, высота — 22 сантиметра, длина — 100 сантиметров. Окрашивают их под цвет стен здания.

Ящики заполните рыхлой плодородной землей, перемешанной с речным песком. Хорошо взять, например, смесь из равных частей дерновой, компостной земли и речного песка. Некоторые любители добавляют немного минеральных удобрений в виде готовой цветочной удобрительной смеси.

На дне ящика оставьте просвет или сделайте отверстия для стока лишней воды. Ящики на ножках поставьте в железные поддоны, тогда вода не будет стекать на тротуар.

Устанавливают ящики на полу балкона, иногда их укрепляют на перилах с внутренней стороны. Укрепляйте их прочно, надежно.

Комнатные растения в горшках хорошо установить в ящики, наполненные опилками или торфом. Тогда земля в них не будет слишком быстро пересыхать. Горшки с цветами красиво вставить в металлические кольца, укрепленные на стене здания. Для вьющихся растений натяните проволоку или бечевки от ящиков к стене или сделайте решетки из планок.



●

Цветочную рассаду высаживают в ящике в два-три ряда в шахматном порядке, оставляя между растениями 15—20 сантиметров. В наружном, первом ряду высаживайте ампельные (свисающие) или низкорослые (бордюрные) растения. В других — более высокие. Вьющиеся бобы, душистый горошек лучше выращивать, высевая семена сразу в ящик.

●

Если растения плохо растут и цветут, их полезно подкормить. Можно использовать готовую цветочную смесь минеральных удобрений (30 граммов на ведро воды), хорошо полить их настоем куриного помета (1 : 20).

Не забывайте удалять увядшие цветы с завязями, тогда будет больше новых бутонов. Цветник на балконе необходимо своевременно поливать. На южных балконах утром и вечером растения полезно опрыскивать водой. Поверхность земли в ящиках присыпьте перегноем или торфом.

●

Ради крупных ярких соцветий на балконах часто выращивают герань зональную. Ботаническое ее имя пеларгония зональная. Зональной ее называют за темные полосы по краям листьев.

Герань не только красива и неприхотлива. Есть у нее и другое достоинство. Заведите ее только раз, и она всегда будет под рукой для украшения балкона. Перезимует герань в комнате, а с теплыми деньками переселится на балкон и все лето там будет буйно цвести. Имея герань, вам не надо каждую весну беспокоиться о семенах или цветочной рассаде для балконных ящиков.

Лучше всего герань цветет на солнечном балконе. Весной и летом поливайте ее обильно. При необходимости давайте подкормки. Лучше чередовать подкормки из минеральных удобрений с подкормками из куриного помета.

В зимнее время герань нуждается в отдыхе. Держите ее по возможности в прохладном месте, например у самого оконного стекла. Поливайте изредка, только по мере надобности.

В конце зимы при первых признаках роста растение обрежьте. Без обрезки кусты будут высокими, оголенными снизу, слабо цвести. Пересадите герань в свежую землю, которую составьте из дерновой, листовой и перегноя с добавкой песка. Обрезанная герань вскоре превратится в пышно цветущий куст.

Размножить герань очень просто. Лезвием безопасной бритвы срежьте с растения черенок с двумя-тремя междоузлиями. Нижние листья удалите. Черенок сразу не сажайте, нужно, чтобы его срез слегка подсох, покрылся тонкой пленкой. Для этого на день оставьте его в прохладном, затененном месте. Можно черенок поставить в банку с водой, где он даст корешки, или посадить в горшок с песчаной почвой.

Черенки для размножения можно срезать уже с конца зимы, всю весну и даже в июне — июле.

Черенок должен сидеть прочно, почву вокруг него уплотните и полейте слабым раствором марганцовокислого калия (марганцовкой). Горшки с черенками надо поставить на светлое, но не солнечное окно. Вскоре появятся листья. Не смачивайте их при поливке. Чтобы кустик был более пышным, удалите верхушечную почку. В конце лета молодые гераньки весеннего черенкования ярко зацветут!

Очень красива зональная герань сорта Метеор с крупными огненно-красными простыми цветками. У сортов Рубин и Коралл цветки ярко-красные, махровые.

●

Очень хорош для балконов агератум. Цветет он обильно, долго. И дали в народе растению второе и довольно меткое имя: долгоцветка! До морозов будет разливаться на балконе пышная голубая или сиреневая пена цветущей долгоцветки.

У агератума много сортов. Растения бывают высотой от 10 до 60 сантиметров. Цветочные корзинки собраны в рыхлые или плотные соцветия — зонтики.

Интересно, что агератум можно размножать не только семенами, но и черенками. Обычно растение используют как летник. Но у себя на родине, в южных странах, агератум растет как многолетник.

Попробуйте оставить агератум зимовать в прохладном и светлом месте. А рано весной перезимовавшие растения дадут много черенков.

●

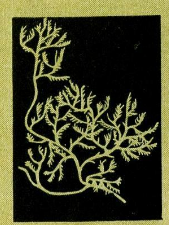
Очень интересно на солнечных балконах выращивать полиантовые розы.

Кусты у полиантовых роз компактные, плотные, высота их всего 30—50 сантиметров. Цветки хоть и мелкие, но зато собраны в крупные соцветия. Цветут они очень обильно и почти непрерывно до поздней осени. Очень красивы сорта с красной и оранжево-красной окраской. Полиантовые розы легко размножаются черенками.

Лекарственные растения, собранные в срок, содержат наибольшее количество целительных веществ, ради которых их собирают. Прежде всего сейчас собирают цветы боярышника кроваво-красного, ландыша майского, ромашки аптечной, первоцвета весеннего, клевера красного, липы сердцелистной и липы сердцевидной; листья ромашки аптечной, ландыша майского, вахты трехлистной (трифоли) и брусники; траву ландыша майского, фиалки трехцветной, адониса весеннего (горицвета) и т. д.

В мае проводят сбор и целебной коры дуба черешчатого, крушины ломкой, калины обыкновенной; корневищ лапчатки прямостоячей и скаполии карнолийской, корней с корневищами девясила высокого. Следует помнить, что сейчас организован массовый прием целебных растений в заготовительных организациях потребительской кооперации. Советуем вам обратиться в заготконторы потребкооперации, где вам подскажут, как проводить сбор, сушку и транспортировку тех или иных целебных растений, какие именно растения собирают прежде всего в вашей местности. Желаем успеха!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА



КАБАНЬЯ ЛЕЧЕБНИЦА

В кудрявой папахе каштана пичужка трепыхнулась, потюкала клювом о сук и тревожно заверещала:

— Ты кто?.. Ты кто?..

На этот ее бессмысленный интерес я ответил ребячьей шуткой:

— Дед Пихто — вот кто!

Птичка пугливо порхает в листве и замолкает, а я продолжаю свои невеселые зигзаги по косогору. Вверх и вверх — к чистой голубизне неба. От трудности подъема исхожу пóтом; едкий запах азалии, цветущей на склонах, кружит голову.

А охотник Шилкин — мой неутомимый спутник — уже на горе: снял помятую кепчонку и, наклонив седую голову, присматривается к чему-то. Этот лесной чародей, наверное, опять нашел что-то занятное. В горах ему все доступно, как у себя во дворе. И я по-хорошему завидую ему и сожалею, что не родился, как он, в этом дремучем краю.

— Гляди-ка, инвалид прошел, — указал он мне еще издали на кабаний след и лихо нахлобучил кепку. — Недавно прошел. Не иначе лечиться.

Вот оно, занятное. Начинается.

След нечетким пунктиром уходил по глинистому скосу вниз, в ольшаник. Зверь подволакивал заднюю ногу, перечеркивая этот пунктир. Верно: кабан шел на трех ногах. Но что значит «лечиться»?

— Как лечиться? — спрашиваю. — Куда?

Охотник поглаживает серые неподатливые усы и кривит в усмешке блеклые губы: сейчас, мол, я тебе выдам диковинку.

— В лечебницу — куда же ходят еще? Пойдем-ка, тут недалеко.

Заманчиво — звериная больница! Как не посмотреть?

Идем вниз, в темную лощину.

Тихо-тихо в лесу, как будто все сговорилось друг с другом: «Помолчим!» Старые деревья сомкнули кроны, стоят бобылями, без молодняка, а которые отжили свой век, лежат вразнохлест, как солдаты на поле битвы. Следы, следы кругом. Их становится все больше — и медвежьи, и кабаньи, и козьи, и даже крупные волчьи вмятины встречаются.

В низину продираемся сквозь заросли бузины, ожинника и цепкого держидерева.

Вот Шилкин неловко, по-верблюжьи подгибает ноги и мне указывает на землю: пригнись!

Подползаю к нему, расцарапывая лицо и руки: он раздвигает спереди ожинник и шипит селезнем у самого уха:

— Гляди вон туда. На камень... Лучше гляди!

Огромный и словно бы отформованный песчаник высится над сырой равнинкой, тыльным краем упирается в скальную крепь, одетую зеленью. По обе стороны камня ручейки сочатся из скал и поблескивают ломаными зеркальцами.

А что за рисунок на моховище валуна? И вроде бы изображение движется... Так это же олень — не рисованный, а живой красавец гор! Он делает несколько глотков из правого ручейка, потом переходит к левому и торопливо пьет из него. А я любуюсь его чудесным сложением.

Вот олень, почуяв опасность, спокойной иноходью скрывается в зарослях. Чего он испугался? Хочу спросить у Шилкина, но он прикладывает два пальца ко рту:

— Тс-с!

У камня появился медведь. И удивительно: до этой минуты я не чувствовал за спиной ружья, а тут оно вроде потяжелело: вот, мол, я — нужно? Ощутил я его, но не тронул. Ведь давно себе слово дал: любить зверя живым.

Медведь глухо проворчал, точно побранил кого-то, и начал прикладываться то к одному, то к другому зеркальцу. Напился, почесал о камень спину и важно заковылял на гору.

— Теперь пойдем, — сказал, вставая, охотник. — Попробуешь воду, может, догадаешься, почему звери из двух ручьев пьют.

У камня я беру пригоршней воду, пробую ее на вкус. В правом источнике вода горьковато-соленая. В левом — обычная, питьевая. Два родничка рядом — два вкуса воды. Новое чудо природы!

— Ну что, — торопит меня Шилкин, — догадался?

— Эти источники, наверное, им соль-лизунец заменяют.

— А я иначе думаю, — убежденно заговорил он. — В правом ручейке — микстура от желудка, в левом — запивка. Тут, я считаю, у зверей аптека: получил лекарство — и топай дальше. Вот какая штука!.. А теперь спустимся ниже.

Иду за охотником и думаю: «Так оно или нет, но сказано резонно. Ведь лечатся животные травами. Почему же им не пользоваться целебной водой при недуге?»

Чащоба становится все гуще и мрачней. Постепенно к чистым запахам земли и леса примешивается еще один — острый запах сероводорода.

Пробираемся к уступчику на скале, с которого хорошо просматривается лощина. Устраиваемся среди камней, и Шилкин опять шепчет:

— Вглядись-ка во все хорошенько!

Из-под горы вытекает омутненный, чуть пáрящий ручеек, а ниже, на равнинке, он разливается вширь. И на стоптанном черноземе — логовище к логовищу.

— Это место я считаю ванным отделением, — глухо басит Шилкин. — Вон, наверное, и тот инвалид, что оставил след на косогоре... Смотри правее!

И я наконец нашел глазами темно-серый клин кабаньей головы над одной из «купален». Рука невольно коснулась приклада ружья.

— Оставь дурить! — Охотник туго сжал мой локоть. — Разве в больнице стреляют? Подумай! И вообще, не таскал бы ты свою «тулку», если на уме такое бывает.

И неловко мне от этих слов, и досадно на себя. Не будь рядом этого доброго горца, я бы, пожалуй, выстрелил. Выходит, что еще не одолел в себе привычку: увидел зверя — бей! И на самом деле — на что мне ружье? Я же слово дал...

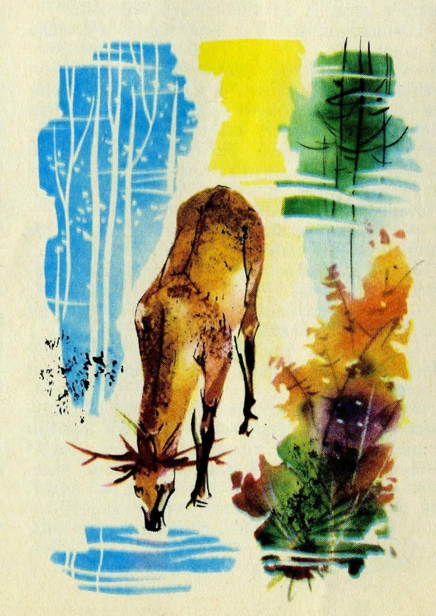
— Пойдем-ка отсюда, — обрывает мои мысли Шилкин. — Не будем мешать.

Оставили мы свой пост над «ванным отделением» и пошли к ближайшему охотничьему шалашу. И опять я думаю о природе, о людях, о себе. Велик человек, но природа принадлежит не одному ему. Она дает нам, людям, свою долю, и мы не должны отнимать у других необходимое. Напротив, надо помогать получать от нее каждому свое, а не тянуться безрассудно к ружью, увидев зверя. И это, наверное, по-своему, но глубоко понимает человек, который спокойной походкой хозяина идет впереди меня. И не только понимает, но делает лесную жизнь приятной себе и другим.

И чувствую, как все больше растет во мне неприязнь к болтающемуся за спиной ружью.

В. ГАТИЛОВ

Рис. В. Прокофьева



РАСПЛАТА

Коська — обыкновенный сибирский кот, серый и пушистый, и рассказывать о нем было бы нечего, если бы...

Коська был известен всему нашему кварталу как весьма проворный и лютый хищник. Грызуны его мало привлекали, кот охотился на птиц. Воробьям, скворцам и даже голубям от него не было пощады. Разорит гнездо, съест яйца или птенцов, нередко попадали в его лапы и сами родители.

И ведь ничто не могло устрашить разбойника: мальчишки бросали в него камнями и стреляли из рогаток, отец неоднократно бил Коську, застав его с очередной жертвой в зубах, а какой-то не в меру горячий защитник птичьего мира пальнул по нему из ружья. Коська приволочился домой с разодранным боком, долго болел, а когда поправился, снова принялся за свое ремесло. Только теперь он стал хитрее: совершал свои набеги и расправлялся с добычей так, чтобы никто не видел. Нам предлагали убить Коську. Жаль, конечно, пернатых, но и кота тоже было жаль.

— Плохие мы с тобой, Иван, дрессировщики, — говорил мне отец, он всегда звал меня так в серьезном разговоре, — люди укрощают львов и барсов, а мы...

Так, вероятно, Коська бы и разбойничал, если бы другие птицы сами не расправились с ним. А случилось это вот как.

Пришел однажды к нам папин приятель и говорит:

— Выручай, дружище, только на тебя надежда. Понимаешь, мы с женой получили путевки в дом отдыха, а у меня два молодых ястреба в квартире живут, оставить их не с кем. Я знаю, ты любишь всякое зверье, может быть, согласишься присмотреть за моими питомцами.

Папа нерешительно возразил:

— Мы с одним хищником сладить не можем, а ты нам еще двух.

Тут я не выдержал и вмешался в разговор взрослых:

— Папа, возьмем ястребов, я сам буду за ними ухаживать.

— Ну коли так, решено, — с веселой улыбкой сказал папа и добавил: — Вези своих ястребов.

Коська встретил новых жильцов с азартным интересом. Он лежал на полу, выгнув спину, кончик его пушистого хвоста нервно шевелился, глаза полыхали жадным зеленым огнем. Коська не мог оторвать взгляда от проволочной сетки, за которой в такой заманчивой близи, настороженно озираясь, сидели две странные птицы. Ему, конечно, не приходилось видеть таких, с красно-желтыми изогнутыми клювами, с серыми крыльями в крапинку, словно по ним прошелся редкий дождь, оставив темные пятна.

Папа пригрозил Коське ремнем, и тот спешно юркнул под диван, но вскоре кошачья морда осторожно высунулась оттуда и два рыже-зеленых глаза уставились на необыкновенных квартирантов.

Ястребов звали Кросс и Крона. Кросс был крупнее, подвижнее и смелее своей подруги. Он первый хватал мясо из наших рук, сердито и долго клацал клювом, когда кусок попадал большой и он не мог управиться с ним сразу. Крона брала корм осторожно, большие куски мяса просто роняла. Приходилось для нее пищу мельчить и подносить к самому клювику, иначе она могла остаться голодной.

Прошла неделя. Теперь уже Крона превосходила размерами самого большого голубя. Проволочная клетка сделалась тесной, и мы с папой долго думали: куда переселить птиц? Наконец решили поместить их в кладовку. Убрали оттуда лишние вещи, проход перегородили толстым листом стекла, кроме того, на ночь всегда закрывали дверь, чтобы не проник Коська.

В полуметре от пола папа укрепил лыжную палку, насест, но ястребы и не подумали на нее садиться. Они уже начали подлетывать и с палки тотчас перемахнули на край железной ванны, затем на ящик, с него на аптечку, прибитую к стене. Однако и на этом они не успокоились.

На противоположной стене под самым потолком была деревянная палка. Кросс, вытянув шею, напряженно смотрел вверх, желание покорить последнюю высоту боролось в нем с неуверенностью и страхом. И вдруг ястреб решился, резко взмахнув крыльями, он оторвался от аптечки, сделал еще несколько отчаянных взмахов, но до полки не дотянул, свалился на пол. Гордый ястреб предпринял более десятка попыток и угомонился лишь тогда, когда совершенно выбился из сил.

Мы с папой увлеклись птичьими хлопотами и абсолютно забыли про Коську. Этот плут, разумеется, не мог пропустить такого зрелища. Он вскарабкался на шифоньер и поверх наших голов вел наблюдение.

— Помочь надо ястребкам, — предложил я, — сделаем между аптечкой и полкой перекладину.

— Хорошо, — сказал папа, и мы оба направились в ванную, где хранились доски.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как из кладовой донесся тонкий пронзительный крик: кри-ис, кри-иц. Так кричат всполошенные ястребы. И тотчас, заглушая первые звуки, раздался жуткий кошачий вопль.

Потом мы догадались, что произошло. Коська выжидал момент, когда мы уйдем. Как только мы покинули комнату, Коська из своей засады прямо с шифоньера прыгнул в кладовую, стекло было лишь до половины дверного проема, птицы находились в это время на полу. Первый удар, очевидно, разбойник нанес Кроне. Она с громким криком носилась по кладовой, волоча по полу левое крыло. Коська метался из стороны в сторону, истошно орал, бросался на стену, отскакивал, кидался в противоположный угол. На Коськиной голове сидел Кросс, крепко вцепившись когтями в кошачью шкуру, самолетиком растопорщив крылья.

Папа осторожно отодвинул стекло, Коська с воем вылетел в комнату — и сразу под диван. Только здесь он избавился от своего седока. Кросс ударился о каркас дивана, перевернулся, встал, прокричал что-то сердитое и заспешил к подруге.

После этого случая Коська присмирел и прекратил свои набеги. Теперь птицы в нашем районе могут спокойно гнездиться и жить. И где им всем — воробьям, скворцам и голубям — знать, что своим благополучием они обязаны молодому, но очень смелому ястребу.

В. ПОДАРУЕВ

СВЕРЧОК И СВЕТЛЯЧОК

Когда я был совсем маленький, два существа мне казались самыми прекрасными на свете: сверчок и светлячок. Ведь один из них был музыкантом, а второй имел малюсенький фонарик.

Два этих существа мне казались не только самыми прекрасными, но и самыми таинственными — несмотря на все попытки, я ни разу их не видел. Каждое утро я просыпался от стрекотанья. Где-то под нашим окном веселый музыкант не переставая играл свои мелодии.

Каждый раз, заслышав эти манящие звуки, я вскакивал с кровати, вылезал через окно в сад и подолгу неподвижно лежал в высокой траве. Прислушиваясь к звукам, я начинал осторожно раздвигать траву и подползать к невидимому музыканту. Увлеченный своей игрой, музыкант забывал про осторожность и подпускал меня совсем близко. Он играл где-то прямо перед моим лицом, но где, я так и не мог разглядеть.

Светлячка я представлял добрым сторожем. Представлял, как он по ночам освещает своим фонариком разные травы или летает и рисует в небе светящиеся зигзаги. Или как он ползет от цветка к цветку и охраняет сон разных букашек.

Каждый вечер я подбегал к окну и вглядывался в темнеющий сад — все хотел увидеть светлое пятнышко, но мне никак не удавалось.

Но однажды мне все-таки повезло. Я был тогда в детском саду. Как-то мы отправились на прогулку и вдруг увидели луг. Все ребята бросились рвать цветы, ловить бабочек, а я стал шарить среди трав — искать светлячка. «Эх, если бы у меня был светлячок! — подумал я. — Я бы сделал ему домик из коробки, и по ночам он светил бы над моей кроватью».

И только я об этом подумал, как сбоку увидел необыкновенного жука с металлическим блеском. Жук лез вверх по стеблю колокольчика. Он очень спешил.

Я схватил жука и заорал на весь луг:

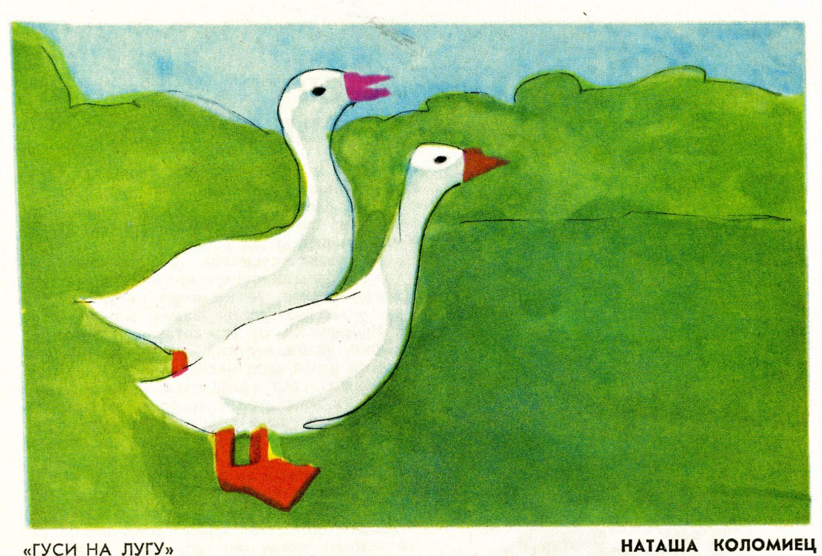
— Я нашел светлячка!..

Все бросились ко мне и стали смотреть на мою ладонь.

— Брось сейчас же! — сказала за моей спиной воспитательница. — Это навозный жук!..

И не успел я опомниться, как один толстый мальчишка схватил жука и запустил далеко в травы. Я тут же бросился его искать, но он уже успел исчезнуть.

Л. СЕРГЕЕВ



«ГУСИ НА ЛУГУ»

НАТАША КОЛОМИЕЦ
г. Пермь

Наша обложка:

Яркими алыми цветами распускается по весне хеномелес Катаянская (первая страница обложки). На четвертой странице — калохортус — обитатель Северной Америки.

В этом номере:

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

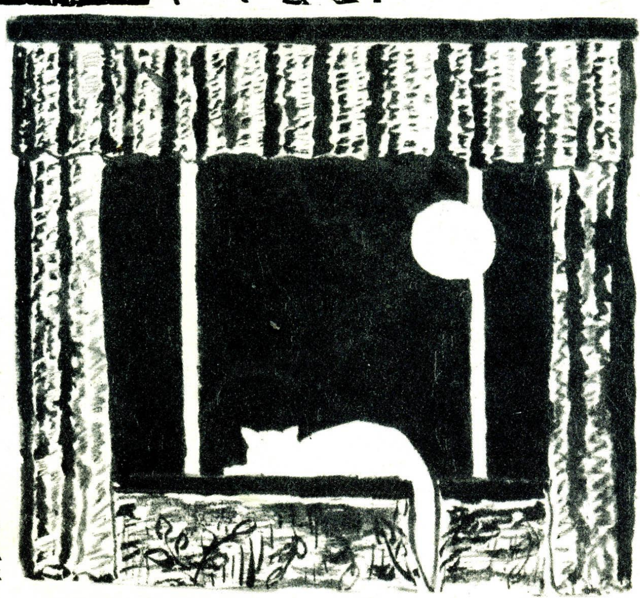
Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Н. Ф. Михайловская**
Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 2/III 1972 г. Подп. к печ. 3/IV 1972 г. А06876. Формат 70×100[1]/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч-изд. л. 4,9. Тираж 2 000 000 экз. Заказ 391. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«ПИЩУХА»

МИША ГОРЛОВ
г. Нальчик



«НОЧЬ»

ЛЕНА ТЮТЕРЕВА
Ленинград

20 коп.

Индекс 71121